

Мария и Моранилова

ПОВЕСТИ

Полковник Яковлев • Учёный на старте

Мариам Ибрагимовна Ибрагимова

Полковник Яковлев.

Ученый на старте

Серия «Мариам Ибрагимова. Собрание сочинений в 15 томах. Том», книга 8

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33393789

Собрание сочинений: в 15 т., Т. 8 : Полковник Яковлев; Ученый на старте: повести. / М.И. Ибрагимова: Белый город; Москва; 2017

ISBN 978-5-906727-04-6

Аннотация

«Полковник Яковлев» – художественно-документальная повесть Мариам Ибрагимовой о войне и о тех, кто ковал Победу. Герой книги Николай Андреевич Яковлев прошёл славный путь офицера – от Кавказа до Берлина. Не раз поднимал в атаку своих бойцов, участвовал в крупнейших сражениях под руководством видных военачальников – Жукова, Рокоссовского.

Полковник Н. А. Яковлев возглавлял Управление связи Северо-Западного фронта, затем Сталинградского. Надёжная связь Генерального штаба с действующими армиями была в то время вопросом жизни и смерти.

«Учёный на старте» – повесть о Фридрихе Цандере, выдающемся учёном-практике, сконструировавшем свой образец ракеты, предназначенный для полётов человека в космос на жидком топливе. Его научные труды вошли в сокровищницу мировой и отечественной науки в области ракетостроения.

Содержание

Полковник Яковлев	7
1	7
2	53
3	81
4	86
5	94
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Мариам Ибрагимова Полковник Яковлев. Ученый на старте

Благотворительный фонд имени Мариам Ибрагимовой

Собрание сочинений в пятнадцати томах

Том 8

Полковник Яковлев

Повесть о войне

Учёный на старте

Повесть о Фридрихе Цандере

Суфийские образы и мотивы в творчестве Мариам Ибрагимовой

Научное исследование Хизри Ильясова

Авторский проект Рустама ИБРАГИМОВА

Полковник Яковлев

Повесть о войне

Полковник Яковлев

Повесть о войне

1

Я не знал, что человек может вынести столько страданий...

Фёдор Гааз, врач (XIX век)

Май 1941-го... Ранним весенним утром на станции Тихорецкая старший лейтенант Яковлев прогуливался у вокзала в ожидании поезда. Недалеко от станции в небольшом скве-

рике раскинули свои шатры цыгане. Николай любил смуглолицых кочевников, а особенно их ребяташек. Он подошёл близко к ограде сада и рассматривал молодое цыганское племя, озорные личики ребятни с кудрявыми головками, убеждёнными пухом и перьями, которые то и дело высовывались из-под подушек и строили рожицы любопытному военному.

Когда солнце поднялось, капитан Яковлев вернулся на вокзал и занял одну из скамеек, стоявших на перроне. Вдруг из-за угла вокзального здания с шумом вынырнула чумазая, одетая в лохмотья стайка цыган. Словно воробышки рассыпались они по перрону и по залу ожидания в поисках мелкой добычи. Один из них – маленький, худенький, вёрткий, со смеющимися чёрными глазками – пробежал хитрым, пытливым взглядом по пассажирам и остановился на добром лице офицера. Николай Андреевич, ласково глянув на мальчугана, улыбнулся. Окончательно убедившись, что выбор сделан верный, малыш направился к лейтенанту, стал цыганить:

– Дай копейку, дяденька.

Яковлев извлёк из кошелька двугривенный и, бросив в смуглую ладошку спросил:

– Как зовут?

– Зозуля, Захар, – залпом выпалил мальчуган.

– Захар, значит, – задумчиво протянул Николай и погладил мальчика по кудрявой голове.

Цыганёнок, окончательно осмелев, нагнулся к уху Яковлева и прошептал:

– Если дашь ещё копейку, станцюю и спою.

Яковлев потянулся к кошельку и снова опустил двугривенный в его ладонь. И тут начался настоящий цыганский концерт. Черномазый артист выюном завертелся под задорный мотив собственного аккомпанемента, выбивая мелкую каблучную дробь искромётного цыганского танца. Его ловкие руки виртуозно скользили по груди, животу, бёдрам и вдруг ударили по асфальту перрона. Войдя в азарт, он ловко откинул одну, затем другую ногу, сбросил огромные неуклюжие женские туфли и, облегчённо вздохнув, пошёл вприсядку. Собралась толпа пассажиров, люди благодарно хлопали в такт танца, весело подбадривали. На цыганёнка офицер смотрел восторженно, ловя каждое слово песни, слетавшей с его губ. От души сплясав, шумно дыша, Захар устало остановился перед щедрым зрителем и возбуждённо спросил:

– А хошь, задаром покажу тебе, как идут наши поезда в Германию?

– Ну что ж, покажи, коли есть на то желание.

Цыганёнок на шаг отошёл в сторонку, насупив брови, надув губы, медленно, тяжело передвигая ногами, работая руками, запыхтел, как паровоз, и глухо протрубил:

– Хлеб! Сало! Яйки! Сахар! – А потом заулыбался, повернул лицо к Яковлеву и открыто спросил: – А показать, как из Германии обратно идут поезда?

Яковлев молча кивнул, и цыганёнок мелко-мелко засеменял шажками, повторяя:

– Винтики! Болтики! Винтики!.. Болтики!.. Ту-у-у...

Яковлев не сводил с юного артиста глаз.

– Ну а теперь я снова спою, – сказал Захар, обратившись к своему главному зрителю, поглядывая на его карман, куда старший лейтенант опустил кошелёк.

– Ну и бесёнок! Хитрый! – воскликнул парень, сидевший на другом конце скамьи.

Артист оставил реплику без внимания, снова пустился в пляс. Только теперь поднял тонкую, в заплатках рубашонку, оголяя живот, и, ударяя по нему ручонками, затянул:

– Пузо голо, кишки грают, пятилетку выполняют.

Хмурая украинка, сидевшая рядом на скамье, не выпуская из рук узлы, вдруг тряхнула головой и зло крикнула:

– А ну, геть витцеля от греха подальше, бисова дитына! – И, оторвав руку от узла, замахнулась на Захара: – Бачите, що спивае, чертяка!

Цыганёнок показал ей язык, состроил рожицу и растворился в толпе. Яковлев с грустью поглядел вслед сверкнувшим пяткам мальчика, который успел на ходу подхватить сброшенные с ног женские туфли.

Подошёл поезд... Яковлев занял своё место в купе, развернул газету, но читать не стал, продолжая думать о Захарке: цыганёнок позабавил его своим выступлением. Позднее, уже на фронте, не раз вспоминал полковник его частушки. Особенно когда приходилось покупать трофейный хлеб. И хлеб тот, немецкий, ел с удовольствием, не сомневаясь, что

ест свой, русский, только испечённый в Германии. Фрицы хранили его в целлофановых пакетах и герметичных контейнерах, которые аккуратно доставлялись в моторизованные немецкие части, осуществляющие план молниеносной войны. Правда, отступая от России, они частенько драпали, бросая технику на ходу, контейнеры с хлебом, запасённые впрок.

Вернувшись в Минск после отпуска на Кавказе, начальник телеграфа Николай Яковлев узнал о своём повышении в должности – назначении инспектором отдела войск связи Западного Особого военного округа и присвоении звания капитана. Николай Андреевич был обрадован, ибо, как говорится, нет солдата, который не мечтал бы о жезле маршала...

Яковлев – кадровый офицер-связист – с первых дней службы успел уяснить главное: связь – важнейшее средство управления войсками, без неё невозможно достигнуть оперативного руководства боевыми действиями всех родов войск. И от того, в каком состоянии связь, зависит эффективность применения различных военных сил и средств, а в результате – успех боя. Он также понимал, что модернизированная военная техника должна получить и современную систему связи, обладающей высокой мобильностью, позволяющей бесперебойно руководить войсками при быстрых передвижениях, несмотря на частые перемещения пунктов управления.

Молодой, энергичный, полный сил Яковлев сразу же при-

ступил к составлению оперативного плана. Дело знал, работать умел и никогда не ограничивался только кругом своих обязанностей и полученных в академии знаний.

Начиная с 1930 года международная обстановка осложнилась, хотя открыто о военной угрозе с Запада вслух не говорили, и никто не мог предположить, что война вспыхнет так скоро. Но её неизбежность была очевидна. Капитан Яковлев понял, какая огромная и сложная задача стоит перед его войсками связи. Требовалась реконструкция всей системы связи в областях, вошедших в состав Советского Союза в 1939–1940 годах, территорий, расположенных между старой государственной границей и новой, отодвинутой на сотни километров к западу. В новых приграничных районах проводные средства связи были мало приспособлены для оперативного командования. Телеграфная и телефонная сеть в подведомственном военном округе была никудышной. Это выяснилось сразу после освободительных действий советских войск в Западной Белоруссии. В рапортах и донесениях, с которыми Яковлев знакомился ежедневно, говорилось о неудовлетворительном техническом состоянии линий связи: плохая трассировка, ветхие провода и столбы, ненадёжные установки телеграфных опор.

Связь в приграничных городах обеспечивалась примитивно – по проводам, подвешенным через деревянные стойки, установленные на крышах. Телеграфисты пользовались устаревшими аппаратами «Юза» и «Морзе» австрийского

производства. Магистральные линии связи к государственной границе СССР шли из одного центра – Варшавы. В Москве понимали, что это обстоятельство может стать серьёзной помехой в управлении войсками. Штабам требовалась новая сеть проводной связи. И эту задачу призваны были решить войска связи. В приграничных районах они уже возвели новые объекты связи, часть ввели в эксплуатацию. Вводились в действие и мощные радиостанции.

К началу войны всеми неотложными вопросами военного строительства ведал Отдел связи управления Красной армии, оперативным управлением – Генштаб и Наркомат связи. В приграничных областях развернулись работы по установлению сетей проводной связи для штаба округа и штабов, дислоцированных на всю приграничную длину. Ещё до объявления войны фашисты начали вероломные нападения с воздуха, уничтожая не только военные объекты, но и железные и шоссейные дороги, узлы, линии и прочие средства связи.

Белорусский военный округ – главные ворота страны: 300 километров вглубь, 450 вдоль границы. На её защите стояли три общевойсковые армии, десятки дивизий и корпусов, прочих войсковых соединений специального назначения.

20 июня Яковлев в штабе округа встретил майора Медведева. Они были знакомы со времени учёбы в академии. Позже приятель из Ленинграда переехал в Москву и служил при

Генштабе. На ходу осведомившись о делах и самочувствии, условились встретиться вечером на квартире Яковлева.

Николай Андреевич занимал небольшую комнатку в доме, расположенном недалеко от военного городка. До прихода Степана Ивановича капитан купил бутылку «Столичной», закуску, накрыл стол. Майор Медведев не заставил себя долго ждать. В домашней обстановке капитан и майор сразу перешли на «ты» и обращались друг к другу по имени.

Во время застолья, рассказав друг другу о себе, о родных и близких, они перешли к теме службы. Николай похвалился своим повышением в должности, сообщил между прочим, что рано утром выезжает с помощником телеграфистом на мотоцикле в Берёзово на проверку одного из летних лагерей. Там в лесу сооружается запасной объект проводной связи. Хозяин предложил московскому гостю воспользоваться его комнатой на время отъезда. Майор с грустной улыбкой поблагодарил товарища и заметил, что он здесь ненадолго, не задержится в Минске. Настроение у капитана от хмельного стало заметно приподнятым, а вот в глазах гостя оставалась лёгкая печаль.

– Ты, друг мой, что-то не в настроении, не сердечные ли дела одолевают? – шутя, спросил Николай.

– Нет, я не отношусь к разряду мужчин, которые из-за сердечных дел вешают нос, – ответил майор.

– Тогда отчего такой подавленный? Не узнаю тебя, – не унимался Яковлев.

– Ничего особенного, мнительным, наверное, стал в последнее время, тревога вселилась в душу.

– Отчего бы это? На службе, говорят, у тебя всё удачно, дома полный порядок. А нервишки, я вижу, сдают... Рановато, брат мой, рановато! – Помолчав немного, Яковлев весело добавил: – Ты, брат, с меня пример бери: никогда не унываю, в сердце бушует весна, даже в зимнюю стужу, в любви порядок, даже если кто и нанесёт обиду. Знаешь, кто научил меня не унывать?

Майор внимательно посмотрел на капитана.

– Бабушка, ещё в далёком детстве. Младшим был в семье, озорным, за это старшие частенько наказывали меня, я плакал от бессилия и гнева. Бабушка утешала: «Ты, унучек, не гневайся и слёзки не лей, не давай волю злому духу, сдерживай его внутри...» «Бабушка, какому духу? У чьём «внутри»?» – с досадой спрашивал я. А она спокойно поясняла: «У каждом человеке самим Богом посажено два духа – добрый и злой. Промеж собой единоборствуют. Если побеждает злой – человек творит плохие дела, если верх берёт добрый – становится добрым, ласковым. Боженька таких любит». «Бабушка, а что надо делать, чтобы мой добрый дух победил?» – не унимался я. Она отвечала: «А ты сам помогай доброму духу, вдвоём-то легче одолеть одного». – «Как же помочь доброму духу?» – «А как почувствуешь, что зло тебя донимает, ты и скажи себе: не буду злиться, не буду озорничать, а то принесу неприятности маме, папе, бабушке... Лучше дружить

с братом, с сестрёнкой, не таскать кота за хвост, не садиться верхом на собаку, не нырять в чужой огород. Вот тогда добрый дух с твоей помощью и начнёт одолевать злого. Тот прижухнет и подчинится твоей воле, а значит, и воле доброго духа, и вырастешь ты хорошим человеком».

– Да, в бабушкином, хоть и наивном, нравоучении всё же есть глубокий смысл, – задумчиво сказал майор.

– Ещё какой! – воскликнул хозяин. – Я хоть и убеждённый атеист, но в суровые минуты жизни вспоминаю бабушкину науку и легко подавляю в себе неприятные чувства.

– Всё это хорошо, но бывает, на душе такое творится, что трудно подавить этот самый злой дух, – тихо заметил майор.

Яковлев замолк.

– Ты когда-нибудь задумываешься о войне? – вдруг оживился майор.

– А как же, о войне только и говорим, готовимся к ней, даже поём: «Мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути», – весело протянул Яковлев.

– Да, готовимся... Поём... А по-настоящему мало кто из нас знает, что такое война.

– Откуда знать, – согласился с приятелем Николай. – Необстрелянные, пороха не нюхали...

– Твоё детство, Коля, прошло в родном доме, при отце-матери, при бабушке, других близких. Ты не хлебнул из горькой чаши сиротской доли. А у меня Первая империалистическая отняла всё: и дом, и мать с отцом, и родных... Один

добрый человек подобрал меня на далёком полустанке – голодного, чумазого, в лохмотьях, больного тифом – и определил в приют. Не знал я ни материнской ласки, ни отцовской заботы. Но был счастлив, когда слышал доброе слово от воспитателей. И человеком вырос вроде неплохим, надёжным. Живу с любимой женой, растим двоих мальчишек, за судьбу которых переживаю.

– Зачем же так терзать себя, если в личной жизни всё удачно сложилось? – перебил гостя хозяин.

– И всё-таки переживаю...

– Но почему, скажи?

– Войны боюсь... Боюсь не за себя – за детей. Кто испытал сиротство, знает, что это такое, когда в городе видишь, как нежно, с какой заботой любящие мамы и папы ведут за руку своих счастливчиков... Это испытание для маленького, беспомощного существа, для сотен детей-изгоев и даже для подростков.

– Что-то ты расчувствовался, давай по стопочке выпьем, может, отойдёшь. И зачем так переживать? Война если и грянет, то не скоро, к тому времени и дети твои подрастут, – подбодрил майора Николай, наполняя походные стаканчики водкой.

– Не скоро, говоришь? На заставах участились поимки нарушителей в ночное время. Люди в гражданской и военной форме выдают себя за советских пограничников или за горожан, а то и за деревенских, якобы случайно заблудших.

Нет, друг мой, война уже у порога, – тяжело вздохнул майор и залпом выпил стопку.

Слова его неожиданно подействовали на капитана. Зажав руками склонённую голову, Яковлев задумался. В комнате воцарилась тишина.

– В воздухе пахнет грозой, – продолжал майор. – Глядя на вас, живущих в двух шагах от границы, поражаюсь, что никто тут не чувствует опасности. Ты даже не спросил у меня, зачем я в этих краях, – заметил майор.

– Да, не поинтересовался, – кивнул Яковлев и добавил: – Мы люди военные, спрашивать не положено.

– Собственно, из этого никто тайны не делает. Под Смоленском мне довелось возводить долговременные сооружения, построили узел проводной и радиосвязи. Наше командование второй год озабочено действиями немцев. Не случайно мы стали укреплять заставы – роем окопы, рубим лес, устраиваем завалы и противотанковые надолбы. За последнее время немецкая разведывательная авиация обнаглела до того, что из приграничной зоны стала залетать в глубь страны. Одного из таких «ястребков» в начале июня подбили зенитчики. Для расследования дела меня и командировал Генштаб.

– Может быть, лётчик сбился с курса, и такое случается... – Яковлев пожал плечами.

– Что-то слишком часто сбиваются... Тебе, думаю, неизвестно, что крылатые крестоносцы днём и ночью парят на

всём протяжении наших западных границ? – продолжал майор Медведев.

– Я вижу, вы – генштабисты – паникёры, – шутя заметил Яковлев и, подумав немного, с уверенностью сказал: – Война неизбежна. В прошлом году вопрос безопасности страны стоял много острее, правительство вынуждено было отодвинуть границы подальше на запад, присоединив некоторые области Украины и Белоруссии к своей территории. Мы установили советскую власть в Прибалтике. Наша армия уже другая, попробовала свои силы на японских захватчиках и в финской кампании.

В комнате снова воцарилась тишина. Сидя в полумраке, каждый думал о своём. А может, об одном и том же... Но ни майор Медведев, ни капитан Яковлев не знали всех тонкостей дипломатических дуэлей, происходивших на мировой арене между Германией и Советским Союзом, Англией и Соединёнными Штатами. Правда, Медведев, чаще общаясь в верхах столицы, не сомневался в том, что приход войны подобен грозovým тучам и гром вот-вот грянет.

– Что-то мы с тобой засиделись в потёмках. – Яковлев поднялся со стула, включил свет.

Майор, сощурившись, прикрыл глаза рукой и предложил, поднимаясь:

– А давай-ка, Николай, пройдемся по ночному городу Яковлев набросил на плечи новенький китель, пригладил пышную шевелюру и, открывая дверь, галантно предложил:

– Прощу на выход!

– Вот это по-нашему, а то всё по уставу да по старшинству...

– Да нет, по кавказскому обычаю, – ответил Николай и сделал жест рукой, приглашая на выход.

– К чему всё это? Ты такой же кавказец, как я турок, выходи первым, я за тобой.

– Турок я или нет, сказать трудно, а в том, что я истинный кавказец, можешь не сомневаться. Родился в горах Дагестана и всякий раз, бывая на своей малой родине, соблюдаю обычаи горцев, касающиеся гостеприимства. А ты, майор, наблюдательный, заметил, что, встретив тебя, я пошёл впереди – так положено у горцев, когда встречают кунака: гость, пришедший в первый раз, может и не знать, куда идти, поэтому хозяин должен указать ему дорогу. А уж когда хозяин провожает, он должен следовать позади, поскольку гость знает, куда идёт.

На окраине города тихо и безлюдно, окна домов ещё светятся. Издалека, с танцевальной площадки, долетают весёлые звуки танго, из городского сада доносится пение белорусских девчат.

– Хорошо ведут песню, с душой! – воскликнул Медведев, запрокинув голову. – И какое небо чистое!

Яковлев посмотрел на звёзды, на луну, потом перевёл взгляд на улицу, она показалась ему тёмной. Но и в этой густой тьме можно было разглядеть идущие пары людей в

военной форме с подругами. Неженатые всегда стремятся скрыться от людских глаз.

– Люблю июнь за пышное цветение садов, за трепет всего живого, – мечтательно протянул Медведев.

– Да, только мы, люди, неразумно пользуемся всем этим богатством природы, не ценим, а то и расточаем её щедрые дары, – добавил Яковлев.

Прогуливаясь, офицеры наслаждались прохладой летней ночи, прислушивались к духовому оркестру, пытаясь уловить мелодию, к пению девчат, весёлому говору засидевшихся пар, к лаю собак – ко всему тому, чем полнится мирная жизнь. Никто и подумать не мог, что этот пятничный вечер станет последним в их мирной жизни и для кого-то он – начало конца.

– Завтра заканчиваются лагерные сборы, командиры вернутся в семьи, – сказал Яковлев.

– Я тоже постараюсь выехать в Москву. А теперь по домам! Тебе ведь, Николай, завтра рано вставать.

Яковлев проводил майора до гостиницы и распрощался.

Ещё не рассвело, когда к дому капитана Яковлева подкатил мотоцикл. Капитан удобно уселся в коляску, мотоциклист развернулся и помчал по мостовой, его рокот в этот ранний час был подобен пулемётной очереди. Выскочив на простор асфальтированного шоссе, тянувшегося вдоль леса, ржаных полей, некошенных лугов, водитель взял курс на за-

пад. Дорога в это субботнее утро была загружена, в обе стороны сновали полуторки то с грузом, то с красноармейцами, возвращавшимися из летних лагерей.

По всей Западной Белоруссии, где были дислоцированы наши войсковые части, шли работы по укреплению приграничных зон. Местечко Берёзово находилось не так и близко от Минска, в трёхстах километрах, а от Бреста – в ста. У Берёзова был построен крупный военный аэродром, в окрестных лесах развёрнули военные лагеря. Яковлев хорошо знал эти места, не раз бывал в Барановичах и на узловой железнодорожной станции Иванцевичи. От Столбцов тянулась старая государственная граница. Крестьянские повозки спешили в город на базар. Встречались и мотоциклисты, большей частью военные. На велосипедах катила молодёжь – парни с девушками. Появились пешие...

К обеду Яковлев прибыл на место. Лес надёжно укрывал палатки телеграфно-строительной роты. Бойцы занимались восстановлением старых и возведением новых линий связи. Командир роты доложил о том, что сделано по возведению дополнительного узла связи на командном пункте в районе лесной поляны, и, как бы между прочим, заметил:

– В последние дни почему-то часто стала выходить из строя проводная связь с приграничной зоной...

Яковлев выехал с проверкой на место работ и в тот же день к вечеру вернулся в лагерь. Теперь, спустя много лет после окончания войны, в его памяти всплывали величествен-

ные, могучие, полные покоя и таинственных шорохов белорусские леса, он готов был кланяться им до пояса, как святыням, в которых нашли спасение миллионы белорусов.

А в тот вечер он, поёживаясь от сырого воздуха, тянущегося от земли и корней деревьев, склонился к пламени костра и предался безмятежным думам. Потом перебрался в командирскую палатку и погрузился в крепкий сон. Его разбудил далёкий рокот моторов и непонятный гул. Капитан вскочил, по-военному быстро оделся и вышел из палатки. Многие из строителей-связистов уже были на ногах, они бежали в сторону дороги.

– Что случилось, чем вызвана суматоха? – обратился он к командиру роты, который вместе с замполитом взволнованно кружил у телефонного аппарата.

– Понять не могу, почему нет связи.

– Попробуйте связаться по морзянке.

– Пробовал, не выходит, идут помехи.

Яковлев с тревожным предчувствием чего-то недоброго, стараясь внешне держаться спокойно, сказал:

– Наверняка это учебная тревога, – и поспешил на опушку леса.

По шоссе мчались грузовые машины – наши, советские. А со стороны границы, соблюдая строй, летела на восток немецкая эскадрилья. Высоко в небе самолеты казались чёрными точками. Стрелки часов показывали шесть утра. Майор-телеграфист с двумя ремонтниками выехали на мотоцик-

ле на главную магистраль, чтобы отыскать место повреждения. Ещё несколько связистов бросились на поиски мест нарушения связи.

Яковлев видел, как заглох мотоцикл, как двое соскочили с него и заметались по шоссе, пробуя остановить хотя бы одну машину, потом побежали к лесу. Яковлев задержал одного:

– Что происходит?

– Война! – глухо выдавил из себя чумазый парень.

– Как война? – не желая верить своим ушам, спросил Яковлев.

– А так! Мы с другом едва вырвались из Бреста. Немецкая пехота прорвалась на заставу и в короткой схватке всех перебила. Чуть занялся рассвет, и со стороны границы по нашей заставе стали палить пушки. Думали, это учебные оружейные залпы. А немцы появились как-то сразу и со всех сторон окружили нас. Сотни мотоциклистов, в чёрных мундирах, с засученными рукавами, как стая воронов, с шумом ворвались в спящий городок. Стали из автоматов поливать свинцом всех, кто показывался на улице. Вслед за мотоциклистами появилась бесконечная колонна танков. Это их грохот вы слышите.

Гусеницы огромной величины способны перемолоть всё, что встречается на пути.

Мотоциклист в бессилии опустился на землю. А другой продолжил:

– А я из Берёзова. В нашем доме снимает квартиру се-

мья старшины. В половине шестого он примчался и поднял всех на ноги: «Война! На аэродром сбросили бомбы. Туда нельзя, там есть изменники! Часть самолётов оказалась разобранной, бензиновые баки пусты. Командир полка и лётчики схватились меж собой, стреляют друг в друга». Старшина, торопя жену, переделся во всё гражданское, и они убежали. Уже по дороге узнал, что Брест взят и что немецкая техника движется в нашу сторону.

Яковлев, в оцепенении слушая сбивчивый рассказ парней, навёл бинокль на стелющуюся над землёй чёрную массу. И уже ясно услышал грохот гусениц, взрывы бомб. Оглянувшись, заметил безоружных связистов-строителей. Только у него да у командира были пистолеты, несколько штыковых винтовок старого образца держали для караульных. Яковлев приказал собрать взвод. По телефонам местной связи вернул тех, кто был на линии. Через полчаса связисты были в сборе. Командир взвода дал команду собрать всё, что можно унести с собой. И уже через четверть часа они двинулись в сторону лагеря, выслав вперёд двух разведчиков.

Проводная связь штаба армии со штабами различных войск была прервана, связь с прифронтовыми частями, армиями, дивизиями, корпусами нарушена, рации забивали грубые непрерывные помехи. Командиры взводов и рот, дислоцированных на значительном расстоянии друг от друга и от командного пункта корпуса, просто бежали к штабу.

Объявили боевую тревогу, гарнизонный караул встал

«под ружьё». Яковлев приказал связистам вооружиться автоматами и выйти на линию. Взрывая сонную тишину летнего утра, над спящими казармами раздались звуки горна. У казармы подразделения строились в колонны. Со стороны города доносился рокот моторов.

– Немецкие самолёты бомбят штаб армии, аэродром, узел связи, склады с горючим и боеприпасами. А наши артиллеристы всё ещё находятся на сборах далеко за городом, – вслух, ни к кому конкретно не обращаясь, сказал Яковлев.

В полках суматоха, офицеры хватают папки, ящики с бумагами. У топографической карты толпятся штабисты. Гадают: началась бомбёжка или это провокация, нарушение границ вражеской авиацией? Или всё же война?

Колонны красноармейцев повзводно, поротно, сопровождаемые командирами и политруками, спешат к месту сбора – в лес. Там воздвигнуты оборонительные сооружения, подведена линия связи к командному пункту, а в овраге, недалеко от КП, установлена рация.

Сначала приглушённый грохот доносится откуда-то издаleка. И вдруг совсем близко раздаётся взрыв. Дрогнула земля, лопнули оконные стёкла. Со страшным гулом и грохотом стали рушиться казармы, здание штаба, а в городе – здания почты, телеграфа, железнодорожного вокзала, аэродрома. Немецкие самолёты, танки, мотопехота обрушились на пограничные посты, лагеря стройбатов и сапёров, возводящих оборонительные сооружения и войсковые части, распо-

ложенные в зонах, доступных для артиллерийских снарядов.

Яковлев тот летний день 22 июня 1941-го запомнил на всю жизнь. Как обезумевшие неслись куда-то люди – полураздетые, босиком, с плачущими детьми. Громыхали зенитки, дополняя гул самолётов, раздавались взрывы бомб, слышалась винтовочная пальба. Рушились здания. Сотни людей, не успев проснуться, гибли в постелях. Бомбёжка с воздуха, артобстрелы, грохот надвигавшейся лавины танков, автоматчики, движущаяся следом мотопехота – кровавое утро начала войны.

Беженец Саша и его попутчик Михаил из Берёзова присоединились к отряду Яковлева. Шли быстро, держась края леса – так, чтобы просматривалось шоссе, по которому потоком двигались машины, повозки с женщинами и детьми, бегущими от самой границы семьями военнослужащих. А грохот танков и гул самолётов нарастал. Надвигалась беда.

На месте военного лагеря никого не оказалось. Только три красноармейца вышли навстречу отряду. Сержант представился, назвал номер заставы, сказал, что после короткой схватки застава уничтожена, а они чисто случайно остались в живых, потому что до рассвета всем взводом отправились на рубку леса.

– На той стороне границы ничего подозрительного вчера вечером не наблюдалось? – спросил Яковлев.

– За последние дни участились диверсии. Но нам говорили, что это перебежчики, предупреждают о готовящемся на-

падении.

– И какие меры принял командир?

– Делал то, что ему приказывали сверху: в нарушителей не стрелять, если даже начнут провоцировать на схватку. По ночам заставу дважды поднимали по тревоге. В десять вечера был дан сигнал боевой тревоги, но он не вызвал особого беспокойства, поскольку мы привычны к такому. И даже когда командир сообщил о возможном нападении на заставу, отнеслись к этому с улыбкой.

– Что дальше было?

– Уже в лесу вдруг услышали орудийный залп. Потом другой... Догадались – стреляют по заставе. Прозвучал сигнал тревоги, уже не учебной, а настоящей боевой. Повернули обратно. В тумане увидели, как началось движение. Фрицы в железных касках шли быстро, не пригибаясь, даже когда мы открыли по ним пулемётновинтовочный огонь. Мы заняли круговую оборону.

– Спасибо, что не струсили, вступили в бой.

Яковлев шагнул навстречу, протянул руку.

– А дальше как в кино. Сохраняя ряды, немцы занимали места скошенных пулями. По дороге двигались танки. Наши бойцы бросались под них со связками гранат. Наш небольшой отряд налетел с тыла. Но что мы могли сделать с топорами и пилами? На роту несколько винтовок, и те старого образца. Немцы автоматными очередями погнали нас в сторону леса, всех перебили, мы втроем уцелели.

Сержант-пограничник, рассказывая о случившемся на заставе, озирался по сторонам.

– Надо же, – продолжал он с досадой, – и вы безоружны, а ведь можем напороться на вражеский десант. Поговаривали у нас, что их накануне забросили целыми группами в наш лес.

Яковлев понимал, что творится что-то ужасное. Сколько ни пытались его связисты наладить связь хоть с кем-нибудь, ничего не получалось. До слуха донеслись глухие перекасты взрывов, нарастающий рокот моторов, и он поспешил к небольшой возвышенности, поросшей кустарником, – оттуда далеко просматривалась дорога. Там, на западе, на фоне безоблачного июньского неба он увидел множество тёмных точек, похожих на клин далеко летящих журавлей. Точки образовали треугольник, движущийся остриём вперёд, увеличиваясь, они сияли отблеском белого металла, издавая грозный, монотонный гул. Потом снизились над бурным людским потоком. Завидев самолёты, беженцы, словно стихия, вырвавшаяся из берегов, расплескались по картофельному полю, устремились в ближайшие балки, заросли кустарника. Но бомбардировщики успели накрыть своим смертоносным грузом тех, кто замешкался на машинах и подводах.

Взрывы бомб метали в небо столбы огня, дыма и пыли. Раздались дикие крики, ржание заметавшихся в испуге коней. Перевернутые машины были охвачены пламенем. Панический бег растерянных людей, плач и зов на помощь ра-

ненных, душераздирающие женские и детские вопли среди ясного утра, превращённого в крошечный ад, казалось, потрясали всю вселенную. Фашистские асы проносились над людьми, поливая свинцом тех, кто в отчаянии метался, ища укрытия, падал и снова бежал.

В сторону открытого поля неслась лошадь, волоча за собой тарахтящую повозку. Перепуганная насмерть, силясь оторваться от упряжки, она становилась на дыбы, дико ржала, кидалась из стороны в сторону. Наконец ей удалось оторвать ремни и вырваться на свободу.

Когда клубы дыма и пыли рассеялись, Яковлев увидел недалеко от себя распластавшуюся на картофельных грядках женщину. Малыш лет двух с громким плачем теребил её волосы, а двое старшеньких – девочка и мальчик, пугливо озираясь по сторонам, звали на помощь. Яковлев бросился к детям. За ним последовали спортсмен и парень из Берёзова. Вражеские самолёты, сделав своё страшное дело, удалялись, набирая высоту.

Капитан Яковлев с трудом оторвал ревущего малыша от тела мёртвой матери. Руки ребёнка были обагрены кровью. Женщину убило осколком, который угодил ей в висок. Захлёбываясь плачем, малыш вырывался из рук Яковлева. Спортсмен взял за руку старшего мальчика лет восьми, который шёл, сдерживая рыдания, и всё время оглядывался на мёртвую мать. Берёзовский парень поднял на руки девочку. Мальчик рассказал, что они бежали из военного городка к

бабушке в Барановичи, что мама его здешняя, а папа – военный – с Кубани.

Как только атака стихла, оставшиеся в живых люди, гражданские и военные, подобрав винтовки, двинулись дальше по дороге. Десятка два красноармейцев и шофёры с разбитых машин присоединились к отряду Яковлева и двинулись лесом. Осиротевших детей, малыша и пятилетнюю девочку, поочерёдно несли на плечах. Старшенький, Серёжа, едва успевал за капитаном, то и дело спрашивал, пойдёт отряд в Барановичи или нет. Отряд, усталый и голодный, делал короткие остановки в пути, чтобы отдохнуть и напиться. Парни-попутчики отлично знали эти места и потому выбирали ближайший путь до станции Ивановичи.

Вечер... После небольшого привала снова в пути. Медлить нельзя, поскольку разрывы бомб и снарядов совсем близко. Люди выбивались из сил, шли с трудом, сонных детей пришлось усадить в вещевые мешки и нести на спинах, часто сменяя друг друга. Они уже не плакали, доверчиво прижимались головами к потным солдатским спинам. Яковлев вёл за руку Серёжу. Под утро, когда забрезжил рассвет, спортсмен, протирая слипающиеся от одолевающего сна глаза, первым услышал шум машины и бросился в сторону дороги. Прячась за стволы редееющего леса, он разглядел грузовик и с пронзительным свистом, выскочив на просёлочную дорогу, остановил машину. Яковлев поспешил за ним.

– Браток, ты в какую сторону? – спросил спортсмен шо-

фёра.

– В Барановичи, но у меня в кабине роженица, – шофёр указал на сидящую беременную женщину, – а в кузове яблоку негде упасть.

Яковлев заглянул в кузов и увидел детей и женщин, тесно жавшихся друг к другу.

– Да я не за себя. Детишек подобрал по дороге, мать убило осколком. А их, голодных и измученных, на руках несём. В Барановичах у них родная бабка. Уж уважь, довези, а то, не ровен час, погибнут вместе с нами.

Яковлев строго посмотрел на шофёра и, уже не уговаривая, приказал:

– Это надо сделать, дети обессилели.

– Ну что ж, ведите детей! Эй, бабушки, потеснитесь трошки, – скомандовал водитель, высунувшись из кабины.

– Да куда же ещё, тут зёрнышку упасть негде, – пыталась взбунтоваться женщина.

Спортсмен с дружкой принесли детей в вещевых мешках. Беременная женщина, глянув на них из кабины, сказала:

– Давайте маленького мне на руки, и девочка может с нами пристроиться, а большенький пусть лезет наверх.

Насмерть перепуганные дети расплакались. Яковлев помог Серёже забраться в кузов. Когда машина тронулась и покатила, поднимая клубы пыли, он облегчённо вздохнул и медленно побрёл к лесной опушке, часто оглядываясь в сторону удаляющегося грузовика.

Тишину леса нарушал треск сучьев, ломающихся под сапогами и ботинками. Уставшие за сутки люди с трудом передвигали ноги, спеша уйти от всполохов огня и ракет, грохота и гула, которые не прекращались в течение дня и ночи, а с рассветом наступившего утра ещё больше усилились. А над всем этим беспокойным и тревожным миром вольным хором разносились трели певчих птиц, радостно встречавших летнюю зарю.

По открытой дороге двигаться легче, но опаснее. На шоссе не иссякал поток колонн, спешащих на восток, – машины, подводы, отары овец, стада коров. Всё живое спасалось от врага.

Гнетущие мысли, словно назойливые мухи, кружились в усталой голове Яковлева, воскрешая в памяти слова странствующего философа Спинозы. Мудрец говорил: «Мир ещё слишком полон рабов, чтобы могло свершиться что-нибудь великое». Да, прошло более двухсот лет. А разве германский солдат не с рабским послушанием исполняет жестокую волю фюрера, отдавая за него жизнь?

«Неужели, – думал Яковлев, – то было предсказание, пророчество философа, которому суждено сбыться? Может, это начало гибели моей России, моего народа? Неужели мы не сможем противостоять этой страшной, всеокрушающей вероломной силе? Как же случилось, что мы оказались застигнутыми врасплох и вынуждены, растерянные и безоружные, бежать?» От этих дум кровь прилиwała к лицу, уши горели,

словно Яковлева самого уличили в чём-то унижительном и позорном. «Может быть, – думал он, – во главе с этим крошечным отрядом мне следует повернуть и пойти на врага, принять верную смерть. Но как нелепо и безумно бросаться с голыми руками на танки, не лучше ли сохранить себя и других, объединиться с бойцами разбитых воинских частей и умереть не задаром, а умертвив хотя бы одного врага?»

«Россия, она слишком велика и могущественна, не так-то просто её одолеть и повергнуть в прах, – молоточком стучало в мозг капитана. – Нет, проклятый фюрер, не быть по-твоему! Пусть мы уходим, бежим, отступаем – это тоже своего рода тактика. Так было уже не раз. Вольно или невольно так поступали и древние предки-скифы. Настанут дни, когда мы начнём туго затягивать роковые для вас «скифские мешки».

Яковлев верил в победу оружия своего народа, и от этой веры становилось легче на душе. Всех перебить не удастся, Россия – это не Франция, не Чехословакия и не Польша... «Но как всё это случилось? – не давал себе покоя капитан Яковлев. – Как разом всех бросило в бездну?»

318-му артполку, резерву Главного командования, к вечеру приказали вернуться в Гомель. А 49-й стрелковый полк кинули навстречу немцам. Резервными полками пополнили те части, которые понесли большие потери.

Любопытно, что накануне вероломного нападения на страну два немецких солдата-перебежчика сообщили пограничникам о готовящемся нападении и даже назвали день и

час. Их сообщению не вняли. В ближайшие леса были заброшены диверсанты в форме командиров Красной армии и работников милиции, которые ожидали сигнала по радиации о начале наступления немецких войск. В результате воскресный день 22 июня стал трагическим днём. Некоторые части были захвачены прямо в казармах. Самолёты не поднялись с аэродромов – так и остались стоять под брезентами.

Разрозненные и разбитые части оказывали упорное сопротивление. Бились до последнего патрона, цепляясь за каждый клочок родной земли, за каждый обугленный разрушенный дом, за каждую стёжку-дорожку. Они были стиснуты со всех сторон, их обстреливали дальнобойными орудиями, не хватало винтовок, автоматов, гранат... Город был разбужен страшным грохотом, воем, взрывами авиабомб, гулом самолётов, лязгом и скрежетом танков.

Сначала шли танки, за ними – полосатые бронетранспортеры, грузовики с пехотой, дальше – мотоциклисты. Опьянённые шнапсом, кровью, ослеплённые первым успехом, они надвигались, как саранча, встречая яростное сопротивление русских. С севера через Гродно и с юга от Бреста спешно отходили разрозненные части, бежали от громовых раскатов орудийной пальбы, от разрывов снарядов и бомб, от грохота и гула. Страшное беспорядочное движение воцарилось на дорогах.

Когда проиграли боевую тревогу, роты построились. По приказу командиров бойцы стали выносить со складов ящи-

ки с гранатами, коробки с запалами. На Минском шоссе колонна влилась в общий поток. Над дорогой висела густая едкая пыль.

Полковник Орбит, шедший во главе отряда, часто уходил вперёд, выискивал на краю леса холм или бугорок и, поднявшись на него, всматривался в даль. На заходе солнца он рассмотрел за ржаным полем деревеньку, где люди сновали от одной избы до другой. Приказав отряду отдохнуть, отправил в ту сторону разведчиков и, пока они ползли, не отрывал от них глаз. Вернувшись, солдаты доложили, что в деревне встала какая-то волжская часть. Орбит решил вести отряд на соединение с ней, поскольку сам плохо ориентировался в лесах и болотистых местах, терял время на обход.

Небольшую деревеньку окружали подводы, крытые полуторки, пушки, прочая техника. На крайних избах были вывешены флаги Красного Креста. С санитарных тачанок сгружали раненых. У колодца толпились усталые и небритые бойцы с фляжками и котелками. С жадностью пили воду, а затем, отойдя в сторонку, раздевались по пояс и поливали друг друга водой из ведра. Другие, подложив под голову скатку шинели и прикрыв лицо фуражкой, спали прямо под плетнём. Кое-кто бодрствовал, Яковлев прислушался к их разговору.

– Что я могу сделать с трёхлинейкой, когда фриц шпарит из автомата?

– Если б этих трёхлинейек каждому хватало, а то ждёшь,

пока сосед выстрелит да передаст тебе. Пока прицелишься, тебя фриц и уложит.

– Нет, братцы, – вступил в разговор кубанец, – я думаю, наша винтовка не хуже немецкого автомата, у него огонь бесприцельный, рассекающий. А в рукопашной я одним прикладом оглушу фрица.

На душе у Яковлева стало тяжело, он остро переживал нехватку оружия.

...Станция Иванцевичи, куда прибыли, забита людьми. Военные, женщины, дети в ожидании поезда устроились на узлах, ящиках, чемоданах, мешках. Город и вокзал дважды бомбили. Следы разрушения и пожарищ ещё свежи. Яковлев кинулся к телефонному аппарату начальника вокзала, хотел связаться со штабом.

– Не пытайтесь, связь прервана со вчерашнего дня, – устало сказал ему начальник вокзала.

– А как с поездами? – спросил Яковлев.

– Принимаем все, грузим до отказа, даже на крышах. Раненых, как только подадут эшелон, из церкви доставляем на вокзал.

– Почему из церкви?

– Немцы на храм не сбросили ни одной бомбы, – объяснил начальник и поспешил на перрон. – Следуйте за мной в военный городок, он здесь недалеко.

Яковлеву хотелось найти среди неразберихи и паники какую-нибудь войсковую часть и соединиться с ней. Городка

как такового не оказалось, только груды развалин. Там, где были склады с оружием и боеприпасами, зияли глубокие воронки. Автопарк превращён в кучу железа, цемента, земли и камней. Вокруг – ни души. Вернулся на вокзал. Одолевали голод и жажда. Ни в городе, ни на вокзале съестного не купить, прилавки пусты. Ограничился тем, что утолил жажду водой из-под крана. К полудню стали подтягиваться к вокзалу войска. Первым подошёл пехотный полк. Бойцы вооружены штыковыми винтовками. Тяжёлые орудия везут конные упряжки, пулемёты «Максим» несут на плечах. Яковлев представился полковнику Орбиту. Выслушав его, полковник распорядился:

– Присоединяйтесь к моим связистам, наладьте связь со штабом дивизии. Чую, драться с фрицами будем тут.

Яковлев обрадовался такому повороту событий. Не прошло и получаса, как, словно по сигналу, в небе показалась вражеская авиация. Людская волна выплеснулась на соседние улицы и растеклась во все стороны. Бойцы заняли позицию вокруг вокзала и залегли. Капитан Яковлев и несколько связистов, тянувшие провод на окраину города, плюхнулись на влажное дно канавы. Оттуда хорошо была видна немецкая эскадрилья. Вот она приблизилась и зависла, казалось, прямо над их головами. Три стервятника со знаками чёрной свастики на крыльях вырвались из общего ряда и закружили над вокзалом. От массированного бомбометания земля содрогнулась, воздушной волной Яковлева приподняло и выброси-

ло на дорогу, он съёжился и, боясь осколков, закрыл лицо руками. Зенитки в ответ фрицам дали по залпу, но этого было мало. Вспыхнули цистерны с горючим. До слуха донеслись жуткие вопли – это немцы сбросили бомбы на санитарный поезд. Яковлев, стиснув зубы, следил за небом. «Мессеры» исчезли так же быстро, как и появились.

Яковлев поднялся, отряхнул гимнастёрку, галифе, в десяти метрах от себя увидел связистов: один лежал неподвижно, из головы тонкой струйкой текла кровь, другой, сидя на корточках, сжимал окровавленное плечо. Раненых было много. Кто-то перевязывал себя сам, кому-то оказывали помощь санитары, других несли к палаткам, где был развёрнут полковой санитарный пункт. Увидев развороченное железнодорожное полотно, раненые из разбитого эшелона поползли к лесу. Связисты и сапёры вместе с похоронной командой подбирали мёртвых, хоронили тут же, в траншее. Их оружие с разрешения начальства раздали связистам, патроны поделили строго по счёту.

Яковлев пытался наладить связь со стрелковым батальоном. К полку, принявшему бой, присоединилась ещё одна разбитая войсковая часть и залегла на окраине города, ближе к лесу. По радиации передали приказ: «Поднять всех в ружьё! Батальонам занять оборону вдоль железнодорожного полотна!» К городу приближались мотоциклисты и колонна танков. Завязался бой. Чтобы противостоять такому массированному огню немцев, боеприпасов не хватало. Пришлось

оставить вокзал.

За ночь собрались ещё несколько разрозненных частей, вырвавшихся из приграничных зон и растерявших свои подразделения. Каждый из командиров, смертельно усталый, пытался выйти на связь со штабом округа. Но не было даже радиации, а проводные линии на всех направлениях повреждены. Никто не знал истинного положения дел.

«Командиры не проявляют воинской строгости к трусам, к тем, кто уклоняется от боя, не навязывает врагу своей воли, – с грустью подумал Яковлев. – Потому отступают».

На вторую ночь одна часть двинулась на юго-восток лесом, другая – по шоссе. Уходили чуть ли не бегом, потому что разведка докладывала: головные отряды оторвались и ушли далеко вперёд. Попадать в окружение никому не хотелось, даже тем, кто умирал на ходу. Командиры посылали в деревни снабженцев, чтобы добыть хоть что-нибудь из еды. Полк, с которым отходил Яковлев, часто натыкался на раненых, подбирали всех. Под утро обессилели, устроили привал. Не успели погрузиться в сон, как караульные доложили: впереди вооружённые люди, численностью примерно с батальон. Полковник Орбит приказал: «Объявить тревогу, но в бой не вступать, у нас мало патронов. Отходя, беречь каждый патрон – пригодится в случае неожиданного нападения».

Форма одежды у неизвестных была наша, и говорили по-русски.

– Если не фрицы, так диверсанты, – не колеблясь, сказал полковник. – В первый день войны я столкнулся с диверсантами, переодетыми в русскую форму. Они неожиданно стали стрелять и отрезали нас от головной части.

Поднятые на ноги бойцы, осторожно ступая и пригибаясь под ветками, направились в ту сторону, где неизвестные устроили привал. И тут собака подняла лай.

– У них овчарки, – насторожился Яковлев.

Полковник Орбит прислушался.

– Нет, это не овчарка, голос этой собаки мне знаком. Если не ошибаюсь, это лает наш Жучок, дворняжка, которая щенком увязалась за начснабом Орловым. Неужели его и собаку схватили немцы?

Лай стал ближе.

– Конечно, это Жучок, – кивнул Кузьма, шофёр полковника, и, пройдя в ту сторону, тихо позвал: – Жучок! Жучок!

Через мгновение чёрный, как сама ночь, пёс, сверкая горящими глазами, радостно закружил вокруг Кузьмы.

– Идите дальше, а я выясню, нет ли среди них майора Орлова. Повадки собак хорошо знаю. Ни одна не останется с человеком, который обидел или убил её хозяина. Кроме того, Жучок возбуждён, он не повёл бы себя так, если б его хозяину грозила опасность.

Кузьма прислушался к шорохам и, взглядываясь в темноту леса, медленно пополз. Он смог разглядеть силуэт дозорного, застывшего на бугорке. Жучок растворился в ночи. Ми-

нут десять Кузьма лежал неподвижно – знал, что пёс обязательно вернётся. И в самом деле, Жучок вскоре появился, радостно заскулил.

– Посмотри, что за псина мотается в той стороне, – забеспокоился дозорный.

– Какая псина?

– Да та, что за начснабом бегаёт.

– Ребята, товарищи! Я свой, – подал голос Кузьма.

Вместо ответа раздались щелчки затворов.

– Ты кто будешь? Выходи!

– Кузьма я, шофёр полковника Орбита, у которого служит тот самый начснаб.

Кузьма поднялся во весь рост и смело шагнул к дозорным.

Отряд оказался остатком батальона разбитого артполка. В ходе боя им удалось опрокинуть подразделение вражеской мотопехоты, всех перебить и захватить три десятка автоматов, ими и вооружились. А потом у самой границы отражали натиск фрицев. Держались до последнего. В ходе сражения снова захватили оружие.

К немцам подоспело подкрепление, стали смыкать кольцо с флангов. Разбитый артполк, от которого уцелела лишь четверть состава, вынужден был уйти в лес со службами и ранеными. Начпрод Орлов присоединился к ним на одной из просек. Артиллеристы, у которых оказались не только боеприпасы, но и трофейные ящики с галетами, поделились с оголодавшими бойцами. На душе у Николая Андреевича Яко-

влева посветлело – как-никак, заморил голод галетами, усилил отряд людьми и оружием. Не помнил капитан, чтобы когда-нибудь за всю его тридцатилетнюю жизнь на него наваливалась такая усталость. Ноги словно налиты свинцом, особенно болят после привала. Голова тяжёлая. После напряжения, связанного с бомбёжками и пешими переходами, с недоеданием, у него начались приступы слабости и сонливости. Веки смыкались, а остаться и выспаться – значит отрезать себя от своих, попасть в окружение, а то и в плен.

Редколесьем идти легче, к тому же хорошо просматривается трасса, забитая до предела. Покатали за собой два громоздких мотоцикла, отбитые у противника, с двумя установленными на них пулемётами. Когда на шоссе вынырнули несколько бензовозов, кинулись наперерез, хотели выпросить горючего. Первый шофёр отказал, мол, из-за одного ведра бензина не может задерживать всю колонну. Выручил другой – притормозил, бросил канистру на обочину и сказал: «Берите, братцы!»

Солнце палило нещадно. Шли полем и перелесками – так безопаснее и легче, чем на раскалённом шоссе. Всех мучила жажда. Липкий пот струился по лицу, белые разводы выступили на плечах и спине, во рту пересохло.

Полковник Орбит, возглавивший сборный отряд, человек лет пятидесяти, жилистый, крепкий, старался держаться впереди, подбадривал людей словом и спокойной уверенностью. Яковлеву он сразу понравился. Капитан видел, как

подчинённые относятся к Орбиту – не просто с уважением, а с теплотой, меж собой называют «батей».

Неразлучен с полковником и политрук Ступаков. Того же возраста, только полноват, рыхловат и по натуре более мягок. Кроме капитана-связиста Яковлева в отряде был ещё артиллерийский капитан и два ротных командира. Туго пришлось транспортникам. Вражеские самолёты с рассвета рыскали в небе, высматривая добычу, сбрасывали бомбы. При появлении «мессеров» ездовые бросали подводы и прятались, кто в картофельном поле или во ржи, кто в кустах. Как только бомбёжка прерывалась, мчались назад к горящим, разбитым или перевёрнутым подводам, полуторкам, хлопотали возле них, потом устраивались на уцелевшем транспорте и двигались дальше.

...Огненные столбы, окутанные клубами дыма, поднялись к небу. Снаряды пушек легко прошивали броню танков, особенно лёгких и средних. Летели под откос куски металла, колёса, пылали охваченные огнём бензобаки. Некоторые танки, словно гигантские жуки, кружили на месте, другие отползали назад, пытаясь выбраться из пожарища, некоторые при развороте сталкивались и застывали на месте. Из люков выпрыгивали танкисты, бросались на землю и, катаясь по ней, пытались сбить пламя. Другие, спасаясь, повисали в люках, до пояса вывалившись наружу. Когда видимость ухудшилась, поскольку всё вокруг заволкло дымом, вдруг ударила вражеская артиллерия – это разведка противника обна-

ружила отступающий полк. Тут же, как по команде, в небе появились бомбардировщики. Нарастающий гул моторов заглушал пронизывающий вой бомб, потом последовали удары, комья земли летели далеко в небо. Последовал приказ: «Срочно сменить позицию, отойти на исходные рубежи».

«Мессеры», кружась, добивали отходящие части. Артиллерия продолжала обстрел. Неожиданно с правого фланга выдвинулись танки. Наши зенитки, воспользовавшись выгодным положением, прицельным огнём ударили по ним. Когда «тигры» и «пантеры» поравнялись, артиллеристы ещё раз ударили и выбили танки из строя. Пушечные и гаубичные снаряды легко пробивали броню, даже лобовую.

Капитан Яковлев не отрывал глаз от бинокля. Видел, как в центре рубежа появились танки, справа – бронеемобили. За перелеском укрывался артдивизион. Противник был буквально в ста метрах от нашего переднего края. В четыре утра раздался первый залп. За ним последовал второй, третий... Десятки огненных столбов взметнулись высоко в небо. Грузовые машины и цистерны бензозаправщиков, объятые пламенем, рвались, летели в стороны куски металла, кабины, колёса. А танки, шипя и лязгая, кренделя такие выделывали, что катились назад, таща за собой шлейфы дыма.

В воздухе закружили истребители – наши и вражеские. Грохот канонады, разрывы снарядов и бомб, беспорядочная стрельба с земли и воздуха – всё было направлено против людей. Пикируя, самолёты врезались друг в друга и, охва-

ченные пламенем, с воем и свистом падали в гущу войск.

С наступлением темноты отряд Яковлева покинул лес. Длинным тёмным потоком потянулась людская масса. Во тьме мерцали огоньки сигарок. Двое разведчиков поговору и домашнему скарбу поняли, что впереди беженцы. Отряд присоединился к ним и двинулся дальше. Яковлев попытался заговорить со стариком, но усталый, выбившийся из сил белорус на вопросы отвечал неохотно и даже раздражённо, словно во всём винил армию, которая не смогла защитить его дом и отступала. Паренёк на велосипеде с пристёгнутыми к сиденью двумя малышами оказался более словоохотливым. Запинаясь, рассказал, как ему удалось вырваться из деревни, которую буквально растерзали танки.

– Ещё до подхода фрицев я ушёл из Калиновки. За деревней взобрался на дерево, стал считать фашистские танки с чёрными крестами, вышло полторы сотни. Размером вдвое больше наших. За ними двигались бронетранспортёры, крытые грузовики, на значительном расстоянии вслед им – колонна бензовозов.

– Возможно, это танковая часть, – предположил Яковлев. – Над ними кружили «мессеры»?

– Да, и над деревней тоже. Но самолёты улетели вперёд. Усталый и голодный отряд, не останавливаясь, шёл весь день и ночь. Лишь на рассвете, когда в небе вновь появились фрицы, скрылся в лесу. Кто-то из беженцев не свернул с дороги, пошёл вперёд с безразличием обречённого. Яко-

влев поднялся на косогор, окинул взглядом поле, луг, перелесок, подёрнутые лёгкой дымкой предутреннего тумана, и на некотором расстоянии от себя вдруг заметил колонну крытых брезентом машин. Гул в небе усилился. Вскоре завязался бой, били по танкам, но движение не остановилось, люди упорно двигались вперёд.

Два «тигра», сделав разворот, ударили по нашей артиллерии. Потом вдруг открыли огонь в противоположную сторону. Отступающие облегчённо вздохнули: с правого фланга на помощь им спешила какая-то часть. Воспрянув духом, командир бригады решил контратаковать противника и двинул вперёд лёгкие танки. Немцы отступили на исходные позиции.

Яковлев побрёл к пригорку, там новобранцы возились со станковым пулемётом.

– А ну, давай, проделай всё сначала, – приказал сержант молодому бойцу.

Паренёк опустился на землю, отщёлкнул крышку коробки, вынул ленту и вставил конец в приёмник.

– А этими приспособлениями как будешь пользоваться? – наседал на него сержант.

Боец выполнил всё то, что ему приказали.

– Настраивай на горизонтальный обстрел! А теперь на вертикальный. Молодец!

Новичок, довольно улыбаясь, поднялся на ноги, одёрнул рубаху, поправил ремень.

– Ну-ка, давай теперь ты, – пулемётчик жестом приказал другому бойцу.

– Да знаю я, как стрелять по мишеням, был на стрельбах. – И, засучив рукава, ловким движением проделал то же, что сделал до него товарищ.

– Вот и хорошо, – подбодрил его сержант-пулемётчик. – Откатим в надёжное место.

После короткого привала объявили подъём. Подхватив с земли винтовки, построились в колонну. Сержант снял со станка ствол, щиток, бойцы подняли разрозненные части пулемёта на плечи и понесли. А на западе, у приграничной полосы, нарастал гул. Его доносил ветер, вселяя в души беспокойство и тревогу. Головной отряд, впереди которого разведчики вели пленников, шёл широким шагом.

Майор Орлов то и дело вскидывал голову в небо, боялся, как бы вражеский самолёт-разведчик не навёл на них бомбардировщиков. Солнце клонилось к закату, жара спала, идти стало легче. До Минска оставалось всего ничего, километров пятьдесят. Вдруг движение застопорилось. Орлову доложили: в сторону Минска движется колонна.

– Пеших нет, только танки и бронетранспортёры, замыкают колонну мотоциклисты.

– Это немцы.

В сотне шагов, на склоне холма, поросшего кустарником, за которым поднималась стена леса, Яковлев разглядел опрокинутую пушку.

– Взгляните, – обратился он к майору, – это же полевая пушка, от неё тянутся следы дивизиона или батареи, поддерживающие пехоту.

Орлов опустил бинокль. Вдруг небо дрогнуло.

– Бомбардировщики!

Орлов скомандовал: «Рассредоточиться!»

Бойцы рассыпались по оврагу и кустам. Чёрные точки, уже хорошо видимые, стремительно нарастали, из «брюха» вывалились огромные бомбы. Транспортная колонна – от хвоста до головы – вмиг превратилась в обломки, объятые пламенем. Обезумевшие от страха лошади рванули в разные стороны. Валясь на землю, судорожно били копытами, призывно ржали.

Сбросив смертоносный груз, «мессеры», набрав высоту, скрылись за горизонтом. А на смену им хищной стаей неслись новые и, зависнув над рожью, словно нащупывая оборонительные укрытия, методично обстреливали каждый куст, каждый бугор. Сделав чёрное дело, словно стервятники, насытившиеся человеческой кровью, исчезли. Оставшиеся в живых бойцы поднимались и спешили на помощь раненым. Делали всё молча, напряжённо. Раненых Орбит приказал увести с собой, а мёртвых похоронить прямо в поле. Поредевший батальон, собрав среди обломков всё, что могло пригодиться, двинулся к лесу. Пулемётчик, до бомбёжки спрятавший пулемёт, взвалив его на плечи, догнал колонну. Это было единственное на весь отряд оружие.

Когда лесная чаща надёжно укрыла отступающих, Орбит выставил караульных. На западе, словно пламя огромного пожара, догорали последние лучи заходящего солнца. Танки гигантскими черепахами ползли по морю хлебов и создавали ощущение нереальности угрозы. Лишь осознание собственной беспомощности перед силой этих железных чудовищ до боли сжимало сердце, душу сковывала свинцовая тяжесть, неведомая раньше. Война перевернула жизнь и судьбу многих – то омрачая сознание, то обжигая вспышкой неутолимой жажды мести.

– Неужели не хватит у нас сил противостоять этой слепой стихии? – Яковлев ладонями стиснул виски. – Ах, если бы выжить, но не для мук, а для борьбы, чтобы мстить, мстить врагу до конца жизни... И если на небе боги в моей мести и мести народа увидят справедливость, пусть совершат кару над извергом.

Словно в полусне одолевали капитана эти мысли, когда вдруг прогремел взрыв фугасного снаряда. Яковлев вздрогнул всем телом и выхватил пистолет.

– Ложись! – услышал он команду Орбита. – Всем отползай назад!

Рядом раздалась автоматная очередь. Следовавшие за танками бронетранспортёры развернулись и дали несколько залпов в сторону отряда. В сумерках удалось незаметно скрыться в лесу. Остаться здесь на ночь было опасно: враг не просто рядом, а идёт след в след. И кто может отрицать,

что они не окажутся в окружении?

Орбит разбил батальон на группы. Из каждой попросил выйти по добровольцу, согласных на разведку. Спросил, откуда родом, из села или города. Тех, кто оказался деревенским, оставил при себе, городским приказал вернуться в свои группы. Этот его поступок озадачил Яковлева, он стал раздумывать над его решением и только утром, когда измученные, измотанные бездорожьем и голодом бойцы свалились на сырую землю, спросил:

– Почему забраковал городских?

– Всё просто: сельские непривычны куличным фонарям, к электрическому свету, у них, как у волков, хорошо развито «ночное» зрение. А для разведчика это немаловажно.

Шёл седьмой день войны... Разведчик, переодетый во всё деревенское, догнал группу беженцев, спросил старика:

– Случайно, не из Минска?

– Нет, из села в хутор перебираюсь. В городе делать нечего, там хозяйничают немцы. Сам-то откель будешь?

– Приезжий я, из Смоленска.

– Так быстрее уноси ноги, фрицы хватают всех без разбора, в особенности окруженцев. Никакие документы им не указ. – Помолчав немного, добавил: – Днём на дорогу не высовывайся, лесом иди. Встретишь партизан или кого из военных – просись к ним, они помогут, ежели нужным им человеком окажешься.

– А местных трогают?

– Не то слово – страшный суд чинят. Хутор мой сожгли, девок на работы в Неметчину угнали.

Разведчик вернулся, доложил майору обо всём, что говорил ему старик.

– Как стемнеет, двинемся дальше, – заключил Орбит.

– Голод замучил, товарищ полковник, пупок к позвоночнику прирос. От сухого пайка и крохи не осталось.

В пути настигли ещё один разрозненный батальон, командир – бывший пограничник. Вместе заняли выгодную позицию, приготовились к бою. Ждали, что немчура вот-вот двинет в атаку. Но фрицы не пошли, а открыли огонь из миномётов. Никто, даже командиры не знали, что это за оружие. Удар был неожиданный, потому и потери оказались большими. Орбит приказал ударить по врагу с фланга. Доползти до цели не удалось, всех уложили снайперы. Тогда и пустили в ход пулемёт. Но тут фашистская пуля насмерть положила сержанта, молодой боец, оттащив тело в сторону, приник к щитку. Пулемёт не работал, заело ленту. Вспомнил, как сержант предупреждал его: «Пулемёт требует аккуратного обращения с собой, в особенности при набивке ленты патронами, чтобы не вышло перекося». Исправить положение не успел, и его скосил снайпер.

Поступила команда отходить к лесу. Отползли под сильным миномётным огнём, оставляя убитых. Раненых волоком тащили за собой.

2

Курортный Кисловодск... По крутой каменной лестнице, ведущей с улицы Чкалова на улицу Ксении Ге, тяжело поднималась грузная старуха. Её корзина была полна овощей. Когда, тяжело дыша, она опустила ношу на лестничную площадку, я поравнялась с ней и предложила:

– Давайте помогу.

– Вот спасибо, доченька! Накупила всякой всячины, а теперь хоть выбрасывай, одышка одолевает.

Я взялась за ручку, и мы не спеша стали отсчитывать ступеньки.

– Далеко живёте? – спросила я.

– На Кубанской.

Нужно было ещё подняться вверх по переулку на улицу Чернышевского, а потом только перейти на Кубанскую. Хотя мне было не по пути, я решила идти до конца.

– Вы, наверное, одинокая?

– Что ты, доченька, сынок у меня есть и муж тоже.

– Чего же их не заставили сходить за овощами?

– Кабы сын был здесь, сбегал бы. А мужик мой смолоду был непутёвый, а теперь, как вышел на пенсию, и вовсе от семейных дел отошёл.

– Сын-то где живёт?

– В Ставрополе, учёный он у меня и должность большую

занимает, – с горделивой улыбкой ответила старуха и, помолчав немного, добавила: – А всё благодаря полковнику Яковлеву, не слыхала про такого? Святой души человек! Царство ему небесное! Скончался недавно, – с грустью протянула она и, склонив голову, пошла дальше.

– Сын ваш плохо учился в школе?

– Плохо, доченька... Бывало, совсем от рук отбивался, с фулюганами связался, ни отца с матерью, ни учителей не признавал. Я уж было совсем отчаялась... Хотела его в колонию отправить. Но как при живых-то родителях? Казалось, стыдобушки не оберусь, но тут Бог послал спасителя.

Моя словоохотливая спутница опять остановилась, поставила корзину на землю, отдышалась и стала рассказывать:

– Случилось это как раз в том году, когда мой Санька хоть и с трудом, но перешёл в седьмой. А тут заходит к нам во двор военный, при орденах, статный такой, весной это было, и спрашивает про моего Сашку. Я так и обомлела, ну, думаю, лиха беда, ежели сам енерал пожаловал...

«Здрасьте! – говорю. – Ежели вы насчёт маво Сани, пожалуйста в квартиру». А сама уставилась на гостя, улыбаться стараюсь приветливо. А он серьёзный такой, брови косматые взрлёт, лоб высокий, а надо лбом копна седая, ершистая, глаза серые, в упор глядят, насквозь пронзают. Пячусь назад, двери распахнула, хочу, чтоб скорее вошёл, а то, думаю, начнёт во дворе говорить, соседи услышат и разнесут про Саньку по всему кварталу, каково матери-то?

Вошёл, в прихожей ноги хорошенько вытер. Я стул к нему подвинула, что покрепче. Сел гость и говорит:

«Зовут меня Николаем Андреевичем, полковник в отставке, на общественных началах делами подростков занимаюсь».

«Очень приятно», – говорю, а у самой сердце так и стучит, аж в уши отдаёт.

«Какие у вас отношения с сыном?» – спрашивает.

«Обнаковенные, – говорю, – материнские».

«А отец как относится к сыну?»

«Ничего, – говорю, – только нет у отца времени для особых отношений. Уйдёт чуть свет на работу, вернётся вечером, а в воскресенье с дружками время коротает».

«Очень плохо. А знаете ли вы, что ваш Саша в школу перестал ходить?»

Я всплеснула руками и присела на месте. Едва в себя пришла.

«Где уж знать мне! Только от вас и слышу...»

«Так вот, уважаемая мамаша, давайте возьмёмся за вашего сына общими усилиями».

«Давайте, я как мать со всем удовольствием возьмусь, но вот беда: нет у меня авторитета перед сыном. Не помощница я ему в учёбе, потому как в своё время всего год в ликбезе проучилась, с трудом читаю и пишу. А ему уже с третьего класса такую арифметику задают, что не только я, но даже дохторица, учёная соседка наша, не может решить. Вот и по-

пробуй спроси с него, коли сам не в силах решить».

«Оно, может быть, и так, но ведь его одноклассники усваивают материал, не отстают».

«Может, у других родители учёные и дети способности имеют, а мой, видимо, в отца пошёл».

«Да нет, дело не в отце. Саша парень не глупый, просто запустил учёбу, под дурное влияние попал».

Мне сразу полегчало от его слов.

– Помог, значит, вам полковник Яковлев?

– Помог, доченька, так, как не всякий родитель поможет.

Полковник поначалу часто заходил к нам. Ученика хорошего к сыну прикрепил, в школе появлялся, интересовался учёбой, с учителями беседовал, а главное, ни самого Сашку, ни нашего родительского имени ни разу не посрамил.

Слушала я старуху, и сердце моё радовалась. А она продолжала:

– И веришь, переменился мой сын, в комсомол вступил, в дружинники записался и за другими озорниками стал присматривать. Словом, исправился. – Моя спутница глубоко, по-детски, в несколько приёмов, вздохнула. – А Николая Андрейча не стало, схоронили недавно. И кажется мне, такого человека больше не будет. Веришь ли, сын рассказывал, что перед ним даже воришки каялись. Бывало, принесут ему часы или кошелёк, вот, говорят, нашли. А Николай Андрейч через милицию разыщет хозяина, вернёт, а нашедшим благодарность объявит в письменном виде. Работал полковник

задарма, сам трудился в поте лица и других заставлял. Другой на его месте сидел бы себе на полковничьей пенсии при всех своих достоинствах, а он – неугомонный. Многим ребятам вместо родного отца был, потому и любили его и старые и малые.

Старуха ещё раз вздохнула тяжело и вновь взялась за ручку корзины.

Отставного полковника Яковлева Николая Андреевича я знала много лет. Демобилизовался по состоянию здоровья через несколько лет после войны и поселился в Кисловодске. Первые годы лечился от болезней, приобретённых в лихолетье. Но как только почувствовал себя лучше, нашёл себе хлопотливую, беспокойную работу на общественных началах. На этом поприще нас и свела судьба. Мне, как председателю профкома санатория, в ведении которой находился и детский сектор, постоянно интересовавший Яковлева, пришлось обследовать его, сделать различные анализы, поскольку его болезни носили хронический характер.

Познакомились ближе, узнала, что мы с Николаем Андреевичем в какой-то степени земляки, с той лишь разницей, что он родился в Дагестане и годовалым ребёнком был вывезен в Россию, а я наоборот – родилась в России и в раннем детстве увезена в Дагестан, где жила до переезда в Кисловодск.

Весёлый по натуре, подвижный, остроумный, умевший

шутить, он ласково называл меня землячкой, а себя – истинным кавказцем. Словоохотливый, он увлекательно рассказывал о себе, делился всем, что его беспокоит, взглядами на жизнь, вспоминал войну, фронт. Меня считал приятной собеседницей и, встретив даже где-нибудь на дороге, останавливал и предлагал:

– Дорогая землячка, посидим минутку, поболтаем.

Я соглашалась, поскольку беседы с умным, много знающим человеком мне всегда доставляли истинное удовольствие.

Так, встречаясь с Николаем Андреевичем, я многое узнала о его жизни. А она была богатой и интересной. Родился Яковлев в дагестанском ауле Дишлягар, ныне районном центре Сергокала. Волна революционного движения, поднявшаяся в 1905 году, докатилась и до гор Кавказа. В военном училище, где был расквартирован Самурский пехотный полк, среди солдат началось брожение, которое вылилось в вооружённое восстание. Мятежники перебили часть начальствующего и командного состава полка, захватили власть в свои руки. Но вскоре восстание в гарнизоне было подавлено. Многих предали военно-полевому суду. Часть восставших расстреляли, остальных сослали в Сибирь.

Отец Николая Андреевича поручик Михаил Дмитриевич Макаров служил в Самурском полку и был пощаждён мятежными солдатами как отец троих малолетних детей. Младший из его сыновей, Николай, появился на свет как раз перед мя-

тежом.

Восставшие солдаты были настолько ожесточены тяжёлыми условиями быта и произволом командиров, что не пощадили даже полкового священника. Убийство представителя духовной власти местного гарнизона очень огорчило Ольгу Мефодьевну – мать новорождённого Коленьки, – младенец остался некрещёным. Вскоре после подавления восстания офицеров разбросали по другим гарнизонам, одних – за сочувствие к солдатам, других – за подозрение в причастности к мятежу.

Офицер Макаров получил назначение в войсковую часть, дислоцированную в селении Какашура, что недалеко от бывшей столицы Дагестана Темир-Хан-Шуры, ныне Буйнакск.

Ольга Мефодьевна по дороге к месту нового назначения мужа встретила повозку, в которой случайно оказался священник. Она умолила его тут же, в дороге, окрестить младшего и щедро вознаградила. Священник уважил просьбу рабы Божьей, окрестил Николеньку и пообещал записать имя младенца в церковную книгу и выслать Макаровой удостоверение.

В училище поручик Макаров от скуки и безделья предался карточной игре, запил. Аул Какашура по сравнению с Дишлягаром был мал, захолустен и уныл. Однако Ольге Мефодьевне было не до скуки. Она едва успевала справляться с тремя малышами. А мужу своему, выходцу из мелкопомест-

ного дворянства, ни в чём не перечила, поскольку она хоть и статная, и красивая, но происходила из бедной крестьянской семьи. Повеса и упрямец Михаил, приехав в отпуск к родителям в деревню, влюбился в Ольгу, обвенчался с ней без благословения родителей и увёз на Кавказ.

Со временем пылкая любовь погасла, бесперспективная служба в далёком гарнизоне наскучила, и стал поручик находить утешение в попойках и преферансе. Однажды, в хмурое осеннее утро, обрюзгший и хмурый, с помутневшими от хмеля и бессонной ночи глазами, он явился домой с дружкой-офицером, которого Ольга видела всего лишь раз, и объявил, указывая пальцем на гостя:

– Вот твой новый господин и хозяин, изволь любить и жаловать. Теперь ты и все трое моих деток принадлежите ему.

Растерянная Ольга, приняв слова мужа за шутку, с недоумением поглядывала то на мужа, то на собутыльника.

– Да, да! – вполне серьёзно и даже строго произнёс Михаил. – Я проиграл тебя в карты. Понимаешь?

Ольга, побледнев, опустилась на табурет. Красивое белое лицо с большими глазами налилось кровью. Высокая грудь заходила от учащённого дыхания, на лебединой шее запульсировала жила. Боясь свалиться с ног, она схватилась за сердце и на миг закрыла глаза, словно ей нанесли смертельный удар. Два загулявших офицера равнодушно и тупо взирали на неё.

Придя в себя, Ольга с трудом приподняла отяжелевшие

веки. Её глаза, глядевшие из-под пушистых ресниц, были полны слёз и гнева. Она напряглась и, казалось, вот-вот тигрицей вцепится в горло мужа. Ольга и в самом деле одним прыжком оказалась у тахты, схватила пистолет с крючка, взвела курок и, направляя дуло то на мужа, то на дружка, угрожающе выпалила:

– Вон, мерзавцы! Застрелю обоих, как паршивых псов!

Вид её был страшен и грозен, обидчиков словно ветром сдуло. Бывают случаи, когда в слабых на вид людях в минуту гнева просыпается страшная сила, перед которой содрогаются даже горы.

Ольга собрала пожитки, взяла детей – кого на руки, кого за руку – и направилась в саклю старика-горца, куда часто ходила за молоком. Вооружившись кинжалом, повёз старик куначку в город. На двухместной арбе в воловьей упряжке долго добиралась с детишками на родину – в местечко Лиски, где отец её, оставив хлебоборбское дело, работал мастером на сахарном заводе.

Потом Ольга по рекомендации близких перебралась в татарское село Теньки, устроилась к помещику на маслобойку. Там познакомилась и сошлась с лесоводом, служившим у того же хозяина, Андреем Ивановичем Яковлевым. Отчим вновь окрестил и усыновил младшего – Николая, дав ему свою фамилию.

Человек светлого ума и благородной души, Андрей Иванович после революции оставил лесничество и перешёл

на работу бухгалтером в педагогическом училище Самары. Подросший к тому времени Николай окончил школу, затем сельскохозяйственный техникум. Осенью 1928-го его призывали в армию.

Служил в Брянске в полку связи до 1935 года. За это время окончил полковую школу телеграфистов, получил звание лейтенанта. Красные кубари блестили в петличках новенькой гимнастёрки. Его, командира взвода, вскоре командировали в Ленинград на курсы по изучению современных аппаратов связи. После окончания курсов четыре года служил в Смоленске начальником телеграфа штаба дивизии. Затем опять учёба в городе на Неве – в Академии связи имени маршала С.М. Будённого. С 1940 года Яковлев – инженер связи отдела ВОЦО.

Маршал войск связи И.Т. Пересыпкин в своей книге «Связь в Великой Отечественной войне» так писал о молодом офицере: «Нельзя не сказать о большой заслуге в организации проводной связи, которая принадлежит заместителю начальника войск связи 1-го Белорусского фронта Н.А. Яковлеву. Где бы я ни наблюдал его работу, меня поражала организованность, чёткость его руководства подчинёнными частями, результатом чего была надёжная и бесперебойная связь, обеспечивающая непрерывное управление войсками».

Николай Яковлев по собственной инициативе взялся за

нелёгкую и кропотливую работу – воспитание трудных детей курортного Кисловодска. Ему, обогащённому опытом организаторской работы в условиях фронта с первого дня войны и до последнего часа, нетрудно было создать в мирной обстановке нечто подобное оперативному штабу или пункту управления целой сетью общественных организаций с обращением к нуждам подростков.

Он создал совет общественности, вовлёл в него ветеранов войны и труда, педагогов-пенсионеров. При нём организовал секции, взял под контроль работу детских комиссий местных комитетов предприятий и учреждений города, а также школьных и классных родительских комитетов. Члены секций, согласно разработанному плану, постоянно держали связь с домоуправлениями города и квартальными комитетами. Председатели секций проводили беседы, которые строили на конкретном материале, собранном в школах и на предприятиях, где трудились родители неуспевающих учеников, привлекая таким образом все силы к работе с детьми.

Совет общественности, возглавляемый Яковлевым, не ограничился одним контролем поведения ребят, их учёбы. Он привлёк к работе с детьми неработающих матерей. Многие из них бывали на уроках по труду, сопровождали ребят во время экскурсий на предприятия, в музеи, участвовали в работе кружков детской самодеятельности в школах, квартальных комитетах, устраивали утренники, вечера интересных встреч с ветеранами войны и труда, с местными поэтами

и писателями.

Совет общественности организовал при домоуправлениях летние детские площадки. Николай Андреевич добился, чтобы эти площадки оборудовали шефы – состоятельные предприятия и учреждения. В городе появились чистые, привлекательные места отдыха с ярко выкрашенными игровыми сооружениями, лёгкими беседками и укрытиями на случай дождя. К дежурству привлекли учителей. В каникулы родители, уходя на работу, оставляли своих чад во дворе под строгим оком взрослых.

Терпеливо, но неотступно проводила работу секция при детской комнате милиции, ведя воспитательные беседы индивидуально с каждым подростком. В помощь работникам милиции привлекли комсомольцев, старшеклассников, студентов техникумов и училищ. Десятки юношей и девушек в вечернее время патрулировали улицы у кинотеатров, в парках, скверах, клубах, на танцевальных площадках. Каждый вечер следили за тем, чтобы подростки позже восьми часов вечера не оставались вне дома. Специальная секция общественного совета работала с заявлениями, письмами, сигналами родителей. Благодаря упорству и настойчивости Николая Андреевича Яковлева в городе снизились правонарушения, а детская преступность была сведена на нет.

Газета «Правда» в 1964 году писала: «В Кисловодске действует совет по работе с детьми, его возглавляет офицер запаса Николай Андреевич Яковлев. К работе с детьми здесь

привлечено более трёх тысяч общественников. Среди родителей ведётся широкая пропаганда педагогических знаний».

Имея огромный актив помощников, Николай Андреевич не имел рабочего кабинета, и не для отдыха – ибо он не сидел на месте, – а хотя бы для хранения тех документов, с которыми приходилось работать ему и председателям секций. Правда, при детской комнате милиции ему выделили стол и полку в шкафу для хранения папок, но этого было недостаточно даже для одной секции.

Яковлеву приходилось многие практические вопросы решать в местных органах власти. Настойчивый, неугомонный, он требовал безотлагательного выполнения поставленных задач, доказывая, что досаждают им не в личных интересах. Как все независимые люди, он позволял себе высказывать недовольство и кое-кого критиковать. Однажды молодая руководящая особа, больше похожая на манекенщицу из журнала мод, с ехидцей заметила Яковлеву, что он не в меру старателен и мешает ей работать... Медики утверждают, что слово лечит. Но слово и ранит. А брошенные в лицо ветерана слова чиновницы сделали своё коварное дело. В тот же день с приступом сердечной боли, подскочившим давлением крови Яковлева увезли в больницу Николай Андреевич не пролежал в стационаре положенного при таком заболевании времени и, почувствовав себя лучше, выписался. Однако улучшение самочувствия было относительным. В день выписки у автобусной остановки он ощутил, как немеют рука и но-

га. Это был односторонний криз вследствие спазма сосудов мозга. Мой герой снова слёг и долго ещё находился на постельном режиме в домашних условиях.

Дела, начатые им и блестяще проводимые в течение многих лет, постепенно стали предавать забвению. Слух о болезни Николая Андреевича дошёл и до меня. Знала, что помочь ему восстановить здоровье трудно, а помимо лекарств ветерану необходима моральная поддержка, участие, добрые слова.

Накануне тридцатилетия Победы над фашистской Германией я написала о нём заметку в краевую газету, причём Николай Андреевич не знал, что я пишу о нём. Сделала это умышленно, ибо полной уверенности в том, что заметку опубликуют, не имела. Не найдя её среди публикаций в праздник Победы, я была огорчена и, конечно же, подумала о том, что правильно сделала, не поставив в известность ветерана.

Однако зарисовка, к общей радости, была напечатана, но только 16 мая. На другой день Николай Андреевич позвонил мне, выразил благодарность, а затем пришёл ко мне на работу, и мы долго с ним беседовали. В тот день я сделала ему комплекс исследований крови. Результаты не радовали. Да и по внешнему виду можно было сказать, что Николай Андреевич тяжело болен и медленно угасает.

В последнее время он почти не выходил из дому. Приступы болей в сердце участились, повысилось давление крови,

но он не роптал, хотел жить и боролся с недугом силой воли. Искренне бывал рад, когда я заходила к нему, сразу преобразался. Мы усаживались за столик на открытой веранде, обращённой в сад, и беседовали. Обстановка в его доме была располагающей, простой – ни дорогих ковров, ни хрустала, ни блеска полированной мебели, какие встречаешь у заведующих магазинами или базами. Там всё выставлено на обозрение, даже тиснённые золотом тома книг, превращённые в бутафорию.

Библиотека у Николая Андреевича была небольшая, книги самые необходимые для работы – прошлой и настоящей. Стояли на дешёвенькой этажерке рядом с железной кроватью и вручную сработанным столом, заваленным бумагами и газетами.

Но более всего мне нравились четвероногие обитатели дома. Три собаки разных пород, приветливые и ласковые. Даже Муха, похожая на немецкую овчарку, отличалась добродушным нравом. Кит, степенный на вид, предпочитал дружбу с вертлявой собачкой Динкой. Неугомонный ягнёнок всё время бегал за хозяйкой дома, которая кормила его молоком из бутылки с соской. Рыжая курица королевской породы из соседнего двора предпочитала проводить время во дворе Яковлевых и вместе с другими обитателями вертелась возле хозяев, когда те усаживались за стол. Только птенец сойки с перебитым крылом, сидящий в клетке рядом с будкой Мухи, не мог составить компанию остальным.

Николай Андреевич любил вспоминать прошлое, разумеется, если собеседник был интересный. Я чувствовала, что он радовался моим визитам, и отметила, с каким увлечением он рассказывал, а я с не меньшим любопытством слушала его. Однажды спросила его:

– Николай Андреевич, вам удалось прочитать новую книгу Карпова об опальном генерале Петрове?

– Да. Великолепную характеристику дал он своему герою как человеку и профессионалу, как военспецу.

Героизм русских солдат в отдельности и целых войсковых подразделений трогает до слёз.

– Это так. В тот вечер, когда я читала главу о падении Севастополя, о трагедии, постигшей последних защитников Херсона – безоружных, измученных тяжёлыми боями, голодом, жаждой, прижатых врагом к безнадёжной стихии моря, – я не могла уснуть.

– У Карпова, бесспорно, большая и добрая душа. Во имя торжества правды и справедливости он сумел воскресить имя генерала, человека трагической судьбы. Презирая смерть, генерал остался верен своему народу. Я словно живого вижу генерала на наблюдательном пункте, разглядывающего в бинокль немецкие укрепления. – Яковлев смолк, в его красивых глазах появились слёзы. – Ведь что вызывает уважение, Мариам, писатель дал блестящий анализ операции «Эдельвейс». Я впервые узнал, что за осуществление операции взялся сам Гитлер, который, к счастью, провалил

её. А всё благодаря героизму, граничащему с безумием, наших солдат, готовых на самопожертвование в ходе священной войны. Враг был коварен, а главное, силен. Кто знает историю германорусской войны 1914 года, в особенности истоки «дранг нах Остен» кайзеровской Германии, на основе которого выпестован немецкий фашизм, также стремившийся к мировому господству, тот всё-таки скажет: «Ефрейтор есть ефрейтор, в отличие от образованного императора, унаследовавшего от тевтонских предков постулаты рыцарства». А кто такой Шикльгубер?

– Думаю, Гитлеру помог механизм интриг, повергших коварных чудовищ империализма, перед зверствами которых блекнут такие потрясатели веков, как Чингисхан и Тамерлан. – Тут я решила дать фюреру медицинское заключение. – Как врач, я сужу по характеристике, данной фюреру его же соратниками, уверенными, что

Гитлер – человек душевнобольной, шизофреник с незаурядным мышлением, целеустремлённый дегенерат, садист. Добавьте к этому запущенный сифилис мозга. Всё это породило манию величия, ибо все те скрупулёзно планируемые и методически осуществляемые зверства над людскими массами противоестественны, не свойственны человеку нормальному.

– Всё это так, Мариам. – Яковлев на минуту задумался, словно пытаясь сказать что-то важное. – А те успехи, что были достигнуты в промышленности и экономике Германии,

перedel мира, захват стран Европы и, наконец, успехи гитлеровцев на первых порах наступления на Россию не венец его особого ума или таланта, а достижения его окружения: опытных и закалённых в войне и муштре военспецов, вышколенных стратегов молниеносной войны.

– Без них Гитлер, как и Александр Македонский без вымуштрованной армии, не достиг бы успеха на арене новой мировой войны.

В какой-то степени я разбиралась в военном деле, знала историю многих войн, изучала структуру царских войск, потому что многие годы трудилась над эпопеей Кавказских войн двух минувших столетий.

– Тут вот что меня мучает, Мариам. Под Сталинградом меня познакомили с пленным немецким приват-доцентом, показали его статью, где он полностью признал идеи Гитлера. – Яковлев перебрал стопку журналов и, найдя нужный, стал листать его. – Послушай-ка, что он пишет: «Все вы – славяне, латины, англичане – все вы, представляющие в мире разнузданную некультурность, потеряете в борьбе все свои силы и не в состоянии будете противостоять в дальнейшем организованным влияниям. Потому что война не кончится, даже когда армии разойдутся по квартирам. После этой войны начнётся другая – бескровная, но ещё более беспощадная. Текущая война даёт вам только предвкушение войны будущего, войны, которую мы будем вести с вами после заключения мира. Рано или поздно вы попадёте к нам в руки.

Не так скоро, но это случится. Это неизбежно. Когда кровь ударяет вам в голову, вы теряете самообладание, влезаете в драку, как бешеные. А когда успокоитесь, впадаете в вялую лень, в детскую беспечность. Вот тут-то мы вас и подстережём...»

– Сумасшедший учёный! А может, он в чём-то прав, особенно в оценке мягкотелости русских, их доброты, миролюбия, доверчивости.

Николай Андреевич задумался и устремил свой усталый взгляд в никуда. С возрастом память у людей слабеет. Человек может забыть, что было вчера, но прошлое и даже события далёкого детства помнит ясно. И в памяти Николая Андреевича, словно в компьютере, сохранилось всё, даже мельчайшие события грозной фронтовой жизни, которую ему пришлось пережить от начала до конца.

– Я, уважаемая Мариам, никогда себя не чувствовал рабом, – с каким-то напором в голосе стал говорить Николай Андреевич. – Знал, что есть состояние зависимости от того, что происходит в семье, в стране, в конкретной ситуации. Страна, которая в начале двадцатых провозгласила, что строит коммунизм, на самом деле строила армию, где всё население было военнообязанным, все были солдатами. И любые отклонения вправо-влево карались смертью.

– Вот-вот, это и есть самое страшное...

– А что вы хотите, мы жили так потому, что был закон военного времени, а не потому, что Сталин плохой.

– Сталин был порождением той страшной реальности, а не её источником. А вера в коммунизм была анестезией. Это я как врач говорю: неосознанной анестезией. Чтобы русским людям, мягким, мечтательным, незлобивым, стать армией, нужна была какая-то сказка, чтобы они поверили, что будут лучше, разумнее. А вам отвечу так: отдельные люди, может быть, и будут лучше, но человечество улучшить нельзя. Говорю вам это ещё и с позиции прожитых лет, а мне за семьдесят: человечество улучшить нельзя. И понятно, что никакого коммунизма не наступит. А значит, и никакого благоденствия. Может быть, только конкретное улучшение тех или иных ситуаций.

– Но Гитлер ещё хуже Сталина. У нас не было выбора. Когда он это понял, как и то, что войны не избежать, стал готовиться к войне. Победить Гитлера, победить фашизм – было единственным способом нашего спасения.

Я решила сменить тему. Знала, что мой собеседник большую часть жизни отдал армии, защите Отечества. В годы войны Николай Андреевич занимал должность заместителя начальника войск связи 1-го Белорусского фронта. Организовал и обеспечил проводной связью и оборудованием многочисленные узлы связи различных пунктов и управления штабов всего фронта. Потому и задала такой вопрос:

– Начальник штаба несёт ответственность за своевременную и непрерывную работу связи, ставит в известность начальника связи о намерениях командования, а кто осуществ-

ляет общее руководство службой связи?

– Командующий фронтом. У меня это были Тимошенко, Жуков, Рокоссовский. Они определяли стратегию связи, места расположения пунктов управления, удобных для руководства. Ставили перед начальниками подразделений задачи по организации связи. Планируемые командные пункты фронта нужно было оборудовать всеми необходимыми средствами связи, учитывая необходимость непрерывного управления войсками. Этим мы и занимались. Тут в чём ещё сложность, Мариам.

Маневренный характер военных действий и резкие изменения в обстановке на фронтах требовали частых переносов пунктов управления, что осложняло работу штабов. А им надо было поставить перед нами задачи, указать ориентиры предстоящей операции, определить предполагаемый темп наступления по этапам операции. Тут уж к нам, связистам, предъявляли требования по обеспечению управления войсками.

И странно: Николай Андреевич все военные годы находился в огне пожаров, в гуще жесточайших сражений, под ураганным огнём, под градом свинца, преодолевал бурлящие потоки воды и обвалы разрушенных зданий, и, казалось, моему герою везло. Но всё это было относительно. Предельное напряжение нервов, постоянная тревога, тяжёлые физические перегрузки в жару, стужу, во время распутицы и бездорожья, отсутствие крыши над головой и нормально-

го питания, тяжёлый прерывистый сон подточили здоровье полковника Яковлева. В ходе войны в условиях постоянной опасности и предельного физического и психического напряжения он, как, впрочем, и все фронтовики, не болел. Яковлев вспоминает:

– Главным ощущением была усталость и склонность ко сну в моменты короткого затишья, привалов или выхода из боя остатков роты на отдых, переформирование.

Когда же отшумели бушевавшая четыре года военная стихия и не сравнимая ни с чем радость победы, Николай Андреевич, окунувшись в непривычную тишину и покой мирных будней, расслабился. И тут его казавшееся железным здоровье стали одолевать недуги, один за другим. Четыре года мне потребовалось на то, чтобы он хоть как-то восстановил утраченное здоровье. Оптимист по натуре, он не роптал, не жаловался, а, улыбаясь, говорил: «Мне нужно просто отоспаться и попитаться». Наверное, это мечта всех фронтовиков. «Сколько можно спать?» – говорил он, решительно поднимаясь с постели, даже когда ему было плохо. «Хватит угождать чреву, – повторял про себя, нехотя отодвигая еду. – Надо браться за дело».

Когда мне сообщили о том, что Николай Андреевич скоропостижно скончался, я поспешила в его дом. Жена, Антонина Ивановна, рассказала мне, что в полдень Николай Андреевич попросил принести свежего мяса. Сам измельчил и вышел во двор, чтобы покормить птенца сойки, которого по-

добрал с перебитым крылом и поместил под решето на высокой бочке, стоящей во дворе. Глупый птенец не ел рассыпанную перед ним пищу, а предпочитал брать её со рта хозяина или хозяйки. Вот так Николай Андреевич и кормил своего крылатого подопечного. И вдруг Антонина Ивановна увидела, как муж, схватившись за край бочки, положив руку на сердце, стал медленно оседать. Бросилась к нему, пытаясь поддержать, стала звать на помощь соседей. Николай Андреевич был спокоен и недвижим. Врач подоспевшей «скорой помощи» констатировал смерть.

Он умер стойко, как солдат. В доме суетились женщины, родственники не успевали съехаться. Я уселась в саду на топчане, под грушевым деревом, где обычно отдыхал Николай Андреевич, и предалась печальным думам. Лёгкая смерть без мук, без страданий. В этой связи вспомнила одного русского полководца времён Кавказской войны, фельдмаршала князя Александра Барятинского, человека потрясающей судьбы.

Молодой князь, петербургский балагур и повеса в чине поручика, будучи в приятельских отношениях с великим князем Александром, стал ухаживать за его младшей сестрой. Отношения Барятинского с великой княгиней зашли далеко. Узнав об этом, отец, император Николай I, возмутился и велел сослать молодого офицера на Кавказ. А он оказался отчаянным храбрецом и рубакой, не раз отличался в схватках с мюридами Шамиля. Барятинского награждали

крестами и медалями, повышали в чинах, и, тяжело раненный в ногу, в звании генерала он вернулся в Петербург.

В те времена царские офицеры делились на несколько категорий. Одни – истинные кавказцы, любившие эту страну гор и с уважением относившиеся к её воинственным племенам как к достойным противникам. Другая часть офицеров, исполняя свой воинский долг, отличалась пренебрежительным отношением к горцам, называя их «туземцами». Так вот, Барятинский относил себя к истинным кавказцам.

У великого князя Александра Николаевича и князя Барятинского был друг отрочества и юности, друг редкий по тем временам – сын имама Шамиля, в семь лет отданный царскому правительству в аманаты (заложники) в знак покорности вождя горцев, когда последний потерпел поражение при Ахульго (укреплённом ауле в Дагестане). Блестящий царский офицер Джамалуддин Шамиль через двадцать лет был возвращён имаму в обмен на пленённых им грузинских княгинь. Убеждённый русоман, проведший почти четверть века сознательной жизни в высших дворцовых кругах, интеллигент, светский человек, Джамалуддин не нашёл общего языка с родным отцом. На предложение имама возглавить одно из наибств и выступить с войском против царских войск Джамалуддин резко ответил: «Никогда! Я присягнул в верности русскому царю и поднять оружие на русских не смогу, это было бы равносильно братоубийству».

Александр II, занявший престол после смерти Николая I,

назначил князя Барятинского наместником Кавказа и главнокомандующим войсками, действовавшими в Дагестане. Боевые успехи нового главнокомандующего в борьбе с силами мятежного имама были блестящими. Большая часть Дагестана и Чечни за короткое время оказалась в руках русских, ибо Барятинский, прекрасно знавший специфику страны, законы и права обитателей гор, действовал по собственному усмотрению, договорившись с императором о невмешательстве в его действия петербургского Главного командования.

Теснимые со всех сторон, отряды Шамиля углубились в горы. Всё больше и больше сжималось полукольцо царских войск вокруг пошатнувшегося имамата. В победе русского оружия сомнений быть не могло. И вдруг до командующего царскими войсками дошло известие о том, что умер сын Шамиля Джамалуддин. «Скончался наш русский офицер, друг императора и мой. Прекратить военные действия по всему фронту! Объявляется траур на сорок дней», – отдал приказ генерал Барятинский.

Вскоре после этого Дагестан и Чечня были покорены, Шамиль пленён. Фельдмаршал Барятинский не вернулся в своё имение под Курском. Он остался в своей резиденции в Тбилиси. Удерживало его в этом ласковом, весёлом, солнечном краю не почётное положение наместника, окружённого раболепием местного офицерства, не праздная жизнь героя, оваянного славой, не балы и увеселения под хмелем тонких грузинских вин, приятно сочетающихся с ароматом остро-

го шашлыка, а любовь к княгине. То ли он увлѣк, то ли его увлекла грузинская красавица-княгиня, внучка царя Ираклия, жена генерала Орбелиани. Как говорится, седина в бороду, а бес в ребро, и потерял фельдмаршал голову. Превратился в раба своих чувств, бежал с возлюбленной в Париж, оставив семью, имение, чины и славу. Трудно сказать, был ли он счастлив до конца своих дней, а вот в том, что до самой смерти он остался в душе мужественным солдатом, сомнений нет.

Уже на смертном одре этот необыкновенный человек, почувствовав приближение «её величества» смерти, вскочил с постели, встал на ноги и сказал спокойно: «Я всю жизнь был солдатом и, как солдат, хочу умереть стоя».

А моему приятелю полковнику Яковлеву сама судьба, наверное, предопределила такую смерть.

В день похорон во дворе и в доме было многолюдно. Находясь в толпе, я смотрела на четырёх сыновей Яковлева, которые стояли у гроба в офицерской форме, обняв мать. Их фотографировали. И вдруг, глянув на покойного, я увидела у его ног тарелку, на которой лежала десятирублёвая купюра. Кто-то из стоящих рядом шелестел пятёрками в ожидании, пока фотограф закончит свою работу. Люди бросали деньги в тарелку. Откровенно говоря, мне стало не по себе. Не знаю, кому взбрело в голову устроить этот отвратительный сбор милостыни отставному полковнику, позорящий, как мне думается, его сыновей-офицеров.

У некоторых народностей Кавказа сбор подачек на похороны и свадьбах стал, особенно в последние годы, традицией, которой заразились и русские, живущие на Кавказе. На мой взгляд, каждый уважающий себя смертный должен отложить что-то себе на похороны. Устраивающие свадьбу тоже должны рассчитывать на свои возможности, не надеясь на подношения со стороны, ибо этот процесс сбора денег на похороны и свадьбы с составлением списков подносящих (с указанием суммы!) начинает носить характер лихорадочного азарта, кощунствующего над горем утрат и радостью достигших вершины любви.

Недавно побывав в Дагестане, я услышала нечто схожее с анекдотом. Горский еврей, житель Дербента, уверовав в своё истинное происхождение от сынов Израиля, решил переселиться на Землю обетованную. В то время, когда он собирал вещи, ему попался список лиц единоверцев, которым он во время тризн и свадебных пиршеств дарил деньги. Он немедленно отправился по адресам, требуя возврата «дарованных» денег, заявляя при этом: «Я уезжаю в Тель-Авив, так что вы теперь не сможете прийти на свадьбу моих детей и похороны моей жены, а потому верните, пожалуйста, деньги, которые я вам давал».

Я написала: «...уверовав в своё истинное происхождение от сынов Израиля», потому что наши горские евреи (таты) никакого отношения к истинным иудеям не имеют. Скорее их можно отнести к арийским племенам Древней Персии.

При царе Хосрове в IV–V веках их далёкие предки были переселены из Ирана в Дербент. В верованиях татов до наших дней сохранились помимо иудейства элементы зороастризма. А что касается древнееврейского монотеизма, то надо сказать, что в те далёкие доисторические времена иудаизм, вытесняя политеизм идолопоклонников, получил широкое распространение среди населения больших стран и среди кавказских племён, благодаря миссионерству евреев, изгнанных с Земли обетованной.

Так вот, среди дагестанских татов и народностей, живущих рядом с ними, в особенности были распространены списочные сборы подаяний на похороны и на свадьбы. Это явление, ущемляющее достоинство честных, порядочных людей и приводящее к бахвальству кичливых жуликов, почему-то стало традиционным среди грузин, армян, осетин.

3

Избрав в жизни нелёгкую стезю кадрового офицера, Николай Яковлев немногие свободные от основных занятий часы проводил в библиотеке, изучал историю войн, особенно Первой мировой. Ещё курсантом Академии связи с большим интересом читал фундаментальные издания и периодику военных времён. Однажды ему попалась подшивка журнала «Заря». Из неё и узнал, что бывший ефрейтор Адольф Гитлер стал рейхсканцлером Германии, объединив этот пост с постом президента. Ярый националист, как, впрочем, и многие немецкие офицеры, стал вынашивать планы создания Великой Германии, с включением территорий других государств в свою.

Фон Макензен и фон Сект – генеральные стратеги кайзеровской Германии, сторонники теории молниеносных войн с включением чужих земель. Представители немецкого дворянства и кайзеровского командования не испытывали к Гитлеру особых симпатий из-за его низкого социального происхождения. Он знал это и потому не пренебрегал никакими средствами, расчищая путь к своему господству. А успехи ему сопутствовали.

Утвердившись окончательно во власти, летом 1938 года гитлеровцы подчинили своей власти Австрию. В начале октября того же года германские войска заняли экономически

важные пограничные области Богемии – Чехию, Моравию – с населением, говорящим на немецком языке, жизни которого якобы угрожали чехи. Затем последовала оккупация Судетской области. В марте 1939 года немцы оккупировали Чехословакию, а в сентябре того же года молниеносным ударом за три недели захватили Польшу. В том же злополучном тридцать девятом гитлеровское правительство заключило пакт с Советским Союзом о ненападении. К нам прибыл министр иностранных дел Германии Риббентроп. На страницах газет публиковались условия договора, портреты Молотова и Риббентропа. Гитлер представлялся как национал-социалист, уже вышла его книга «Майн Кампф», которую рекомендовали для чтения всем истинным арийцам. Мало кто знает, что свою книгу Адольф Гитлер писал в двадцатые годы в Ландбергской тюрьме, где отбывал наказание за попытку захвата власти в Баварии. И уже тогда нацеливал остриё немецкого оружия через Европу на Восток – на Россию...

...Брестская крепость укрепилась на крутом берегу Буга. Вокруг города тысячи добровольцев копали траншеи.

В ста километрах от неё, в Берёзове, немцы бомбили наш аэродром. В лётном составе оказались предатели. Накануне, перед приходом немцев, большинство самолётов разобрали, между лётчиками и техниками возникла стычка. Стреляли друг в друга. Кое-кто успел увести крылатые машины к своим, в сторону Советского Союза.

Вслед за авиацией появились мотоциклисты, за ними, сметая всё на пути, танки. В Берёзове начались расстрелы, убивали всех нерусских, черноволосых, кавказцев. Позже стали брать литовцев. Потом уничтожали евреев. У кого находили листовки, расстреливали на месте. Из тысячи двухсот жителей города половина погибла. На железнодорожной станции ещё шли сильные бои, а немцы уже сгоняли на площадь подростков и расстреливали из пулемётов. Если кто успевал упасть до выстрела, оставался живым, если бежал – погибал. В школе фрицы развернули госпиталь. У детей брали кровь для раненых. Теряя силы, обескровленные, подростки тут же валялись на землю, многие умирали.

Вокруг города появились вышки с пулемётами. Лида Касумова после бессонной ночи вышла на улицу. Видит, навстречу ей бежит солдат, кричит: «Бомбят! Бомбят!» В лесу уже действовали партизаны, население уходило к ним, по пути унося из деревень продукты. Лида вместе с рабочими химзавода, где работала оператором, двинулась к партизанам. Сначала беспорядочной толпой шли по разбитой дороге. Налетели фашистские стервятники, бомбами разметали беженцев. Стон, крики, проклятия... Лиду, раненую, увели в плен. Как и ещё с полсотни женщин, оглушённых взрывной волной.

Во время бомбёжки убило молодую мать, трое мальчиков, плача, ползали по голой земле и от неё не отходили. К мальчикам подползли два бойца. Старший из братьев сказал,

что бабушка живёт в деревне Крупки, недалеко от Борисова. Бойцы увели детей с собой.

– Немцы здесь не воюют, они убивают, – бросил на ходу Яковлев.

– Да, уже который день зверствуют, – откликнулся сержант. – Гонят людей куда глаза глядят. Рассчитывают на незримого союзника – голод. Голод – это верная смерть, и для войск, и для беженцев.

Восемнадцать деревень сожгли. Село Полик уничтожили сразу. Население скрылось в лесу, часть расстреляли, в основном стариков. Казалось, в Белоруссии все стали партизанами. Голодные, опухшие, они жили в землянках по двадцать-тридцать человек. Бойцам было приказано делиться пайком, давать по половнику супа и по сухарю. У партизанского командира Теткова отряд состоял из тысячи человек. Всех распределили по участкам, на каждые тридцать километров от десяти до двадцати человек. Партизаны устраивали диверсии на железной дороге. Питались за счёт окрестных деревень, население добровольно выделяло им продукты.

В Борисов захватчики пришли утром. Неслись на мотоциклах по улицам. Люди прятались в подвалах. Затем фрицы выбили остатки нашей отступающей части, всё сожгли и разрушили. Здоровых, пригодных для работы угнали в рабство.

Между Польшей и Германией были устроены лагеря, где заживо сжигали в крематориях. Вокруг – проволочные за-

граждения, через которые пропущен ток высокого напряжения. В Майданеке кормили человеческим мясом. У всех пленных выдирали золотые зубы, снимали обувь, одежду. В лагерях содержались пленные солдаты, дети, женщины, старики. Кормили чечевицей, горохом, перловкой, хлеба давали по 400 граммов в сутки.

В лагере устроили ремонтную базу для разбитых танков. Тут же налаживали другую расколоченную технику – машины, бронетранспортёры, мотоциклы...

Во дворе узники возвели для себя бараки. Лидия Исааковна работала в прачечной – стирала солдатское бельё, кипятила, чтобы не осталось вшей. А паразитов было много. На евреев вешали клеймо – круглые жёлтые лоскуты сзади и спереди. Общаться с ними было запрещено, за это наказывали плёткой. Однажды евреям приказали взять всё лучшее с собой, погрузили в крытые машины и в обрыве за лесом расстреляли. Накануне их загоняли туда рыть траншеи, в тех ямах и закопали.

4

Перед войной молодому армейскому командиру связистов Яковлеву, преуспевающему в службе, полукочевая жизнь военного была не в тягость. Семьёй он пока не обзавёлся, хотя имел даму сердца Анюту, на которой чуть не женился сгоряча.

Ольга Мефодьевна, мать Яковлева, провожая сына, приехавшего после окончания Военной академии на побывку, сказала, положив обе руки на его плечи:

– Ты у меня, Коленька, как на картиночке нарисован! Хотя мужику красота вроде бы и ни к чему, но всё ж не помещает, если Бог не поскупился и на разум. Поди, девки уже заглядываются?

– Заглядываются, мама, только я в их сторону больше глазами стреляю, – улыбнулся Николай.

– Об одном прошу: если какая и охмурит, от женитьбы воздержись. Если любишь меня, привези в мой дом – в старину говорили, на смотрины. Если сердцем почувствую, что годится в невестки, благословлю.

– Но я уже не мальчик, мама, неужто не смогу отличить белое от чёрного.

– Сумеешь, Коленька, в том не сомневаюсь. Но любовь слепа и хмельна до одури. Бывает так: прозреешь и вдруг поймёшь, что перегорел и от той любви и следа не осталось.

И чем ярче, чем сильнее полыхает она в тебе, тем быстрее гаснет, что солома в костре. Семейная жизнь складывается у того, кто разумом влюбляется, а только потом сердцем. Такая любовь разгорается медленно, горит в сердце долго, как дубовое полено в печи, и, даже когда пламя погаснет, тлеющие угли ещё долго согревают душу.

– Умная ты у меня, мама, профессор семейных наук! – воскликнул Николай, поправив на голове матери свисающую прядь волос.

– Профессор не профессор, а за жизнь разное повидала, в людях разбираюсь, – с грустью сказала Ольга Мефодьевна.

– Хорошо, мама, считай, договорились: не женюсь без твоего благословения.

В Смоленске Николай Яковлев прослужил начальником телеграфа штаба дивизии четыре года. В военном городке и встретил свою первую любовь – Анюту, она работала продавцом в ларьке. Кареглазая, словоохотливая шутница, она всегда с подчёркнутым вниманием относилась к молодому офицеру-связисту, он заходил к ней за пачкой «Казбека». Всегда аккуратный, отутюженный, с тщательно выбритым лицом, он не мог ей не понравиться. А когда узнала, что Николай холост, задалась целью приворожить его. К моменту их встречи она развелась с мужем. Принарядившись, Анюта стала ходить в офицерский клуб на танцы, стараясь чаще попадаться на глаза Николаю. Увлекла сначала кокетливой «барыней»:

подбоченясь, заглушая гармошку звонкой дробью каблуков, лукаво косила рыжие, как у тигрицы, глазки. Однажды ловким кивком отбросила назад волосы и в горделивой позе стала перед капитаном. Блестящий молодой офицер не ударил в грязь лицом. Взмахивая руками, как крыльями, он соколом описал круг, притопнул каблуками, ударил в ладоши и пустился вприсядку. Танцевал легко, увлечённо, словно в этом состязании хотел одержать победу. Схватил Анюту за руку и под одобрительные возгласы вывел в круг. Гармонист перешёл на искромётную «цыганочку». Анюта, держа косынку за уголки, полузакрыв глаза, медленно поплыла по кругу, страстно потрясая плечами. Набирая темп, она вихрем носилась перед Николаем, успевая перехватывать его восторженные взгляды. С того дня капитан и стал навещать Анюту. Вместе уходили в лес по грибы, на рыбалку.

Анюта не только умела танцевать, но и хорошо пела под аккомпанемент гитары. Николай Яковлев был счастлив, обнаружив в ней столько талантов. К тому же Анюта была недурна собой. Родители – каспийские рыбаки – жили в небольшом посёлке под Астраханью. Анюта не сомневалась в том, что Николай окончательно запутался в крепких сетях её чар, даже предложила как-то вместе съездить в Астрахань к отцу и матери. Но охмурённый Яковлев всё же помнил наказ матери и с предложением не торопился. Два года приглядывался к весёлой Анюте, пока, наконец, не решил повезти её на смотрины к своей матери, предварительно дав ей те-

леграмму. Овдовевшая Ольга Мефодьевна встретила сына и его невесту с распростёртыми объятиями. К приезду напекла пирогов, зажарила гуся, приготовила соленья-варенья.

Николай был счастлив, не сомневаясь в том, что его избранница понравится матери. И Ольга Мефодьевна, как могла, старалась словом и делом угодить будущей невестке. Но, одарённая от природы светлым разумом, обогащённая житейским опытом, она не спускала глаз с избранницы сына. Прислушиваясь к разговору молодых, где открыто, а где украдкой следила за поведением Анны. Не нравилось в ней развязное поведение: громко и много щебетала за столом, сопровождая речь смешком, махала руками, болтала под столом ногами, как избалованная капризная девчонка. А после еды оставляла после себя недоеденные куски хлеба или пирога, огрызок яблока и даже конфеты. Могла бы грязную посуду собрать и отнести на кухню.

На третий день, приготовив обед, Ольга Мефодьевна заторопилась и ушла, сказав, что ей надо срочно отлучиться. Вернувшись, нашла на столе немытую посуду, остатки хлеба и пищи выброшены в мусорное ведро. Она выбрала из ведра косточки, недоеденные пирожки, жареный картофель и всё это вынесла во двор собаке. Вернувшись, как бы между прочим заметила:

- Стол после себя надо оставлять чистым, остатки пищи, засыхая, оставляют нехороший запах.
- Мамуля, Николай не любит, когда руки мои пахнут кух-

ней.

– Не любит? – Мать удивлённо перевела взгляд на сына. – В таком случае вам придётся нанимать прислугу.

– Это было бы хорошо! – всплеснула руками Аня.

– А готовить-то ты умеешь, доченька? – не отставала с расспросами Ольга Мефодьевна.

– А как же! Всё, что пожелаете: русские блюда, украинские, татарские, турецкие – какие хотите!

– Что ж до сих пор от меня скрывала свой кулинарный талант? – улыбаясь, широко развёл руками Николай. – Давай покажем маме всё, на что ты способна.

На другой день Ольга Мефодьевна уехала за город, проводить больную приятельницу. Аняте пришлось стряпать одной. Когда к вечеру Ольга Мефодьевна вернулась, молодых дома не было – ушли в кино, оставив записку. Войдя в столовую, хозяйка схватилась за голову: стол завален грязной посудой, словно ели не два, а десять человек. Сковорода с нагаром, чуть ли не наполовину залита маслом. Жирные пятна на полу, на печи, на дверях... Мусорное ведро сверху прикрывал кусок теста. Ольга Мефодьевна достала его, завернула в бумагу. Когда вернулись Николай с Аней, накормила их котлетами, подала чай, смородиновое варенье. Потом принесла тесто и, обратившись к будущей невестке, спросила:

– Зачем такой кусок выбрасывать?

– Тесто оказалось лишним, – ничуть не смутившись, ответила Анна.

– Из него можно испечь лепёшки или сварить галушки.

– И кто бы их ел? – вопросом на вопрос ответила Анята.

– Я бы съела, собаке дала, курам бы покрошила...

– Мама, к чему такой разговор? Всё это мелочи, – вмешался Николай.

– Из мелочей складываются большие дела. А всё потому так выходит у вас, молодых, что не боитесь греха. Атеистами стали, Бога отвергли... Если так расточать, на одну зарплату не прожить, даже если много зарабатывать.

Николай впервые задумался над тем, о чём говорила мать.

– Скажи, Анна, – Ольга Мефодьевна снова обратилась к невесте сына, – ты из состоятельной семьи?

– Откуда у рыбаков богатство? Отец с матерью раз в году живут сытно – в путину, зимой же на стол поставить нечего. Если б не коза да куры, давно бы протянули ножи.

– Тогда откуда у тебя барские замашки? Понимаю, предки из пролетариев выбивались в люди. Как говорят, из грязи да в князи...

– О каких замашках говорите? – Голос Анны дрогнул, появились обида и раздражение.

– А о таких, дочь моя, как недоеденный борщ или жаркое, бездельничанье... Это и есть неуважение не только к старому человеку, но и к себе.

Николай хотел было возразить, но мать жестом руки остановила его.

– Ты, дочка, не сердись. Уму-разуму учу не для того, что-

бы унижить, а для твоей же пользы. Я тоже не барыня, но работала на них, знаю, какие они. У помещика амбары ломились от зерна, скота – сотни голов. Но чтобы кто-то из его семьи бросил кусок хлеба в мусорное ведро, такого не припомню. Первое и второе подавали в супницах и кастрюлях. Каждый наливал или клал в свою тарелку столько, сколько мог съесть, а уж если положил, то всё до крошки съедал. И сидели за столом торжественно, не проронив ни слова, словно у алтаря. А всё, что оставалось в супнице, отдавали дворовым. Так-то баре к еде относились.

Перед отъездом Ольга Мефодьевна сказала сыну:

– Ты человек военный, поступай как хочешь, но только моего материнского благословения на женитьбу не будет.

Сын на мать не рассердился, понимал, что есть в её словах правда. Матери подсказывало сердце и тот житейский опыт, полученный от домашнего воспитания, когда в семье старших почитали, с ними считались. А убогий офицерский быт – долгие командировки, переезды из гарнизона в гарнизон – омрачает семейную жизнь, гасит яркие, радужные вспышки надежд и разбивает сильные чувства.

Николай вернулся в Смоленск. С Анютой не простился, как всегда, у её порога, а отвёз в свою холостяцкую квартиру. И назвал женой. Вышло всё так потому, что не знал, как поступить. С одной стороны, не хотел мать обидеть, с другой – потерять весёлую, жизнерадостную Анюту, к которой привык, а может, и полюбил – за то, что умеет доставлять

радость.

Вначале всё складывалось хорошо. Анята хозяйничала в его квартире, хотя после поездки к матери на Кавказ он стал присматриваться к ней – как готовит, чисто ли в доме. Так бы всё и шло, если бы однажды Анята не заявила, увидев на столе квитанцию на денежный перевод матери:

– Разве Ольга Мефодьевна нуждается в деньгах?

– Это мой сыновний долг. Не могу же посылать ей только письма. А потом, я не контролирую тебя, не против помощи твоим отцу и матери.

На этом вроде бы вопрос был исчерпан. Но в компании друзей под Новый год Анятахватила лишку. Опьянев, она сначала пела, плясала и вдруг после фокстрота демонстративно увела во двор пехотного командира, случайно оказавшегося в компании.

Николай даже бровью не повёл, когда сконфуженный лейтенант, вырываясь из цепких женских рук, поспешил вернуться в комнату. Смущённый, он сел возле Николая, желая избавиться от потерявшей разум чужой жены.

– Адъё, птенчик! – Анята оставила ословевшие глаза на лейтенанта.

Сделав вид, что всё это шутка, Николай увёл жену на танго. Не упрекнул и утром, когда уходил на службу. Но в душе с того новогоднего вечера поселился холодок отчуждения.

За три недели войны были потеряны Латвия, Литва, Белоруссия, Молдавия, часть Украины. К концу июля 1941 года на некоторых участках Западного фронта и других фронтах продвижение фашистов было замедлено и местами приостановилось. Управление советскими войсками было восстановлено и налажено. Но враг был очень силен. Окрылённый первыми успехами, он был уверен в выигрыше. Для борьбы с ним нужны были и люди, и средства.

Яковлев прибыл в Москву и на другой день был вызван в Генеральный штаб. Генерал А.Т. Григорьев распорядился срочно выехать в Смоленск и быть представителем при областном управлении связи, оборудовать узлы связи для штаба фронта. На это дали три месяца. В старом здании штаба Белорусского военного округа вместе с начальником областного управления связи Кириленко он организовал эти самые узлы. Основные связи телеграфа перевели в убежище.

Николай Андреевич, изучавший историю войн России с чужеземцами, знал, что почти все захватчики, шедшие на Русь с запада, избирали проторенный иноземными завоевателями кратчайший путь к Москве – через Минск, Смоленск, Вязьму. Гитлер тоже не пренебрёг этим путём, хотя, наверное, знал, что эта дорога не принесла удачи его воинственным предшественникам. Конечно же, он не сомневал-

ся в том, что его войскам успех будет обеспечен, ибо нет никакого сравнения между его и другими армиями, вооружёнными мушкетами, берданками, артиллерией.

Немцы уже двигались на Смоленск, за одну неделю оккупировав приграничные районы Белоруссии и столицу республики Минск. Танковые лавины двигались к Минску со стороны Бреста и Вильнюса. Им удалось окружить 3-ю, 10-ю и 13-ю армии. С кровопролитными боями пробивались из окружения десятки наших дивизий – разбитые или уничтоженные в неравном бою части и подразделения. Немецкое командование не сомневалось в том, что под Смоленском 4-я танковая армия под командованием фельдмаршала фон Клюге уничтожит измотанные остатки советских войск и без затруднений устремится на Москву.

Генеральному штабу армии был ясен замысел врага. Маршал Тимошенко, назначенный командующим Западным фронтом, стал готовиться к схватке с врагом. На фронт спешно были брошены резервные армии Ставки.

И вскоре по немецким частям, ринувшимся на Смоленск со стороны Бобруйска и Борисова, Ленинска, ударили части Красной армии – с суши и с воздуха. Шесть суток шли тяжёлые бои с переменным успехом. Тяжёлые потери несли немцы от ударов наших соединений совместно с частями, пробивавшимися из окружения. 10 июля началось Смоленское сражение. Группа вражеской армии «Центр» здесь захлебнулась. Впервые за короткий период успешных наступатель-

ных действий немцы вынуждены были перейти к обороне. Это вызвало суматоху в войсках и в Ставке фюрера.

Яковлев вспоминает:

– В превосходстве немецких вооружённых сил не сомневался никто, в том числе и я. Мы отходили с боями, лелея надежду, что где-то там, возле Смоленска, окажутся подтянутые силы, которые, наконец, обрушат огонь на головы неприятеля. И наши разбитые части, пополненные ими, смогут ощутить чувство глубокого удовлетворения и радости нанесённым успешным контрударом, ибо жажда мщения была мучительной. Но одного высокого морального духа для отражения чудовищного натиска врага было недостаточно. Каким же было разочарование, когда мы вошли в Смоленск! Город был охвачен пожарами. Я метался от одного узла связи к другому.

Город непрерывно бомбили. В небе кружили вражеские самолеты. Земля после пронзительного свиста летящей бомбы, вздрогнув, ухала от ударов и разрывов. Яковлев пригибался, обеими руками хватался за голову. Рядом с телеграфом дымились здания. Казалось, город превратился в раскалённую ночь. Даже на широких улицах стояла палящая жара, дышать было трудно. Задыхаясь от дыма и газа, кашляя и протирая платком слезящиеся глаза, Яковлев то и дело стряхивал с гимнастёрки искры и пепел.

По улицам растекалась вода, она лилась из подъездов горящих полуразрушенных зданий. Люди метались из стороны

в сторону, перепрыгивали через лужи, волоча за собой реву-щих детей, узлы, чемоданы, мешки. В одном из подъездов алые языки пламени выбрасывали огонь наружу. Яковлев резко остановился: по каменным ступеням сползал огромный голый мужчина, красный и раздутый, как мешок. Он ди-ко вращал большими обезумевшими глазами, полными ужа-са и муки. Всё тело было обожжено и вздулось. Яковлев бро-сился к нему на помощь, но тут же отпрянул: кожа на круг-лом животе лопнула, обнажив внутренности. Несчастный издал страшный вопль и умолк. Раздался сильный треск, часть кирпичной стены рухнула, засыпав цементом и пылью погибшего. Яковлев успел отскочить в сторону и бросился прочь от губельного места.

Город наводнили диверсанты. Восточнее Смоленска нем-цы выбросили десант. О случившемся Яковлев доложил в Москву. К аппарату подошёл генерал-майор Н.Д. Псурцев. Он давно пытался вызвать на связь областное руководство, но никого в городе не было. Яковлеву приказано было ждать. Через несколько минут передали: «Генеральный штаб назна-чает вас, товарищ Яковлев, начальником Смоленского гар-низона и приказывает отстоять узел связи. Нужно срочно на-вести в городе порядок».

– Я повторил приказ и приступил к исполнению задания. Демонтировали телеграф и переправили его в Вязьму. Ор-ганизация связи была сложной, но мы всё же успели обеспе-чить управление войсками. Рокоссовский, Маландин с по-

хвалой и уважением отозвались о нас.

Прибыли генералы Панфилов и Доватор. Подошли сразу четыре кавалерийские дивизии. Штаб 16-й армии базировался севернее Смоленска, на краю леса. Бои велись за город, за аэродром и вокзал. С запада фронт был открыт. Весь штаб разбили на отряды по отражению противника. Полковник Максименко возглавил истребительный противотанковый отряд, куда вошёл и Николай Андреевич Яковлев. При отходе многие части и штаб армии на плотках перебрались через Днепр к Соловьёвской переправе. Здесь скопилось до тысячи машин, сотни орудий, радиостанций, машины с ранеными. Руководили переброской бригадный и полковой комиссары. Когда Яковлев попытался было без очереди перевезти несколько станций, ему заявили: «Тронешь машины – застрелим!» И стреляли, в тех, кто при бомбёжке в панике нарушал порядок.

Бомбили часто – по скоплениям людей и техники, по понтонам. Яковлев активно помогал на переправе, тоже с пистолетом в руке, и скоро вошёл в дело. Бригадный и полковой комиссары уехали. Яковлев один остался командовать переправой. За два часа пропустил восемь походных радиостанций, чередовал и раненых, и зенитные орудия, другой транспорт с оружием. Было много жертв. И всё же связисты переправили через Днепр кабели, телеграфные аппараты, бобины проволоки. Связисты не раз занимали боевые рубежи.

В начале осени угроза нависла над Москвой. Гитлер не сомневался в успехе тщательно отработанной штабистами операции «Тайфун», которой, по его мнению, и должен был завершиться восточный поход. В основе замысла – нанесение сильных ударов группировок немецких войск в районе Духовщины – Глухов – Рославль. Цель: расчленив оборону русских войск на подступах к столице, окружить и уничтожить наши силы в районе Брянска и Вязьмы. И в дальнейшем, развивая наступление, в обход с юга и с севера, нанести сокрушительный фронтальный удар. В первой половине октября успех сопутствовал силам вермахта, немцы оказались на подступах к Москве. Не встречая серьёзного сопротивления, войска Гудериана устремились к Орлу, в районе которого у нас не было сил для отражения наступления, и захватили город. Брянский фронт оказался рассечённым. Его войска, неся потери, с боями отходили на восток. Создалось угрожающее положение и на Тульском направлении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.